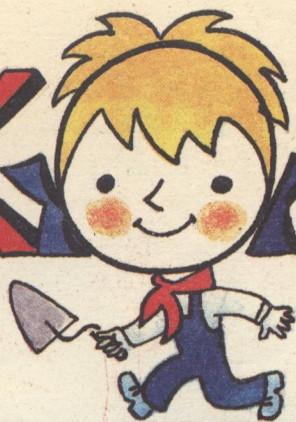

ISSN 0130 6375

ИСКРКА

2 ФЕВРАЛЬ
1986

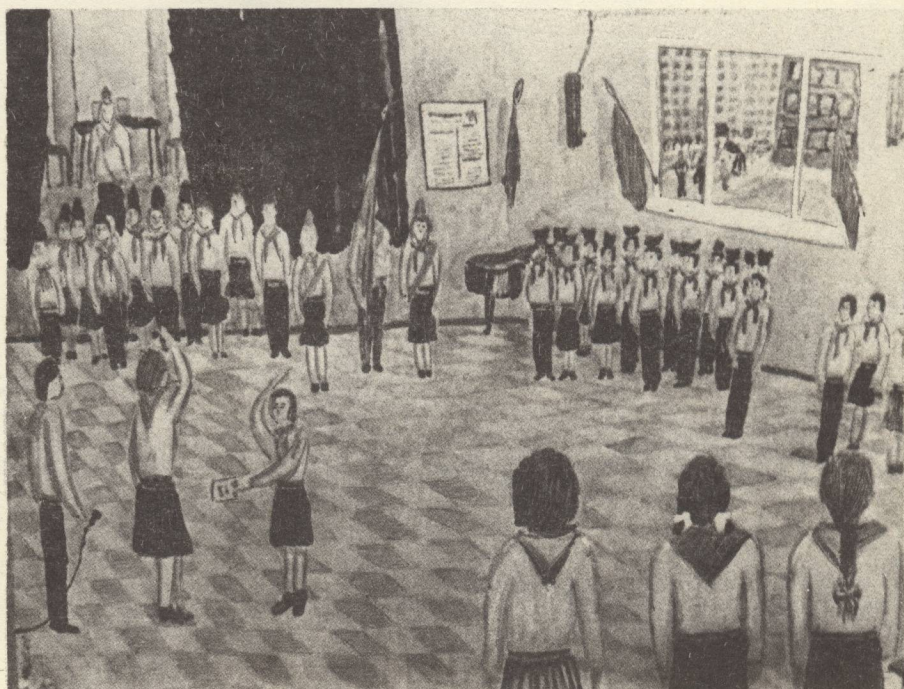

ДЕТИ
РИСУЮТ
МИР

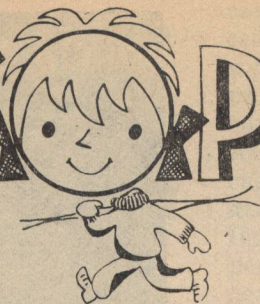
„На стройке.“ Петрова Аня, 11 лет.

„Пионерский праздник.“ Журавовский Леонид, 12 лет.

ИСКРА

газеты
Ленинские
искры
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

2 ФЕВРАЛЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

Лев ГАВРИЛОВ

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

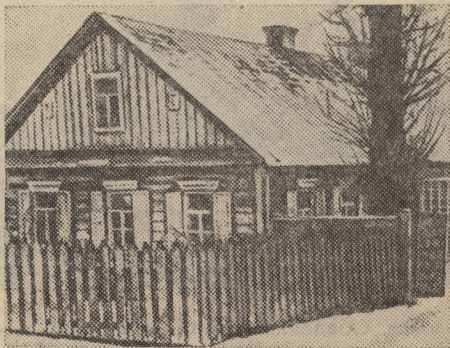
Старый Минск на царской карте
Был губернским городком...

В прошлом веке
В Минске
В марте
Ждал гостей невзрачный дом.
А напротив, в отдаленье,
В доме видном, у пруда,
Находилось управленье
Жандармерии тогда.
И жандарм — усатый, длинный, —
Вёл со щуплым шпиком речь:
Мол, в том доме — именины,
Пирогі собрались печь.
...Именинного обеда
В доме был и дух и жар,
На столе сверкал победно
Крутобокий самовар.
У хозяйки — именины!
Но никто не пьёт, не ест,
За столом — одни мужчины..
Здесь совсем не именины —
Здесь собрался первый съезд.
От реки во двор, к навесу,
Тропка узкая видна,

«Есть такая партия!» — эти слова В. И. Ленина о партии коммунистов, произнесённые им в 1917 году на I Всероссийском съезде Советов, давно стали крылатыми.

Партия Ленина не только встала во главе рабоче-крестьянской революции, но и создала первое в мире социалистическое государство, сумела защитить его в годы Великой Отечественной войны и смело ведёт советский народ к новым свершениям.

Сейчас, когда в Москве идёт XXVII съезд КПСС, хочется обратиться к самому первому съезду нашей партии. I съезд открылся 1 марта 1898 года в Минске. И хотя на нём ещё не были выработаны ни программа, ни устав партии, он явился важной вехой в истории создания пролетарской партии России. «Мы признаём себя членами этой партии, — писал В. И. Ленин из ссылки в Шушенском, — вполне разделяем основные идеи „Манифеста“ и придаём ему важное значение, как открытому заявлению её целей».

Дом, в котором проходил I съезд РСДРП.

В том окне, что ближе к лесу,
Рама вынута одна.
И дрова горели славно,
И пылала жарко печь,
Чтобы, если вдруг облава,
Всё, что надо — сразу сжечь.
На стене часы стучали.

День прошёл,
За ним — второй...
Здесь, на съезде, обличали
Рабский труд
И царский строй.
Не спешили,
Обсудили

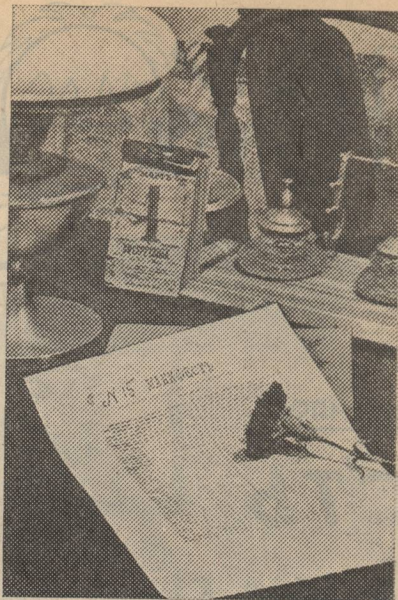
Самый верный путь в борьбе.
— Будет партия! — решили. —
Будет РСДРП!

...А в жандармском управленье
Шпик в шапчонке набекрень
Скрёб затылок с удивленьем:
— Во гуляют!

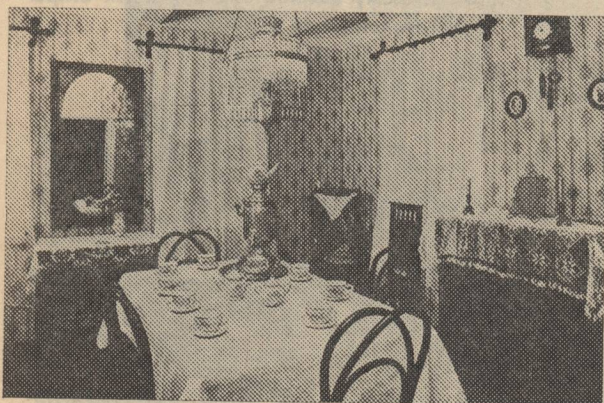
Третий день!

...Той же ночью,
Снежной, синей,
Уходили по тропе
Члены партии России,
Члены РСДРП.

...И хотя сегодня в Минске
Не узнаешь прежних мест,
Дом стоит, —
Где не без риска
Созван был под боком сыска
Самый-самый первый съезд.

Манифест РСДРП. Первый официальный документ партии.

Столовая. Обеденный стол, за которым заседали делегаты. На столе девять чайных приборов — столько, сколько на съезде было делегатов.

Рис. О. Недзвецкой

ДОРОЖНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Архимед сидит за небольшим столом возле иллюминатора, закрытого плотной синей занавеской. Он вычисляет: колонки цифр всё быстрее и быстрее летят из-под карандаша. Недалеко от него — Иван Иванович Тюменев и «выходной» бортмеханик Сушков. В позе отдыхающего человека он откинулся на спинку кресла и посасывает коротенькую трубочку.

Полёт выдался трудный. Притяжение звезды вызвало в атмосфере необычайные перемещения воздушных масс и словно изрыло ухабами воздушный путь. Сибирь путникам не видна: огромный тяжёлый самолёт, приспособленный для слепого полёта, идёт на большой высоте. Его, как ничтожную лодочку, бросает среди бурных волн воздушного океана. Даже привычный к капризам воздушной стихии Сушков неодобрительно покачивает головой.

Приближался критический день: скоро звезда подойдёт к Земле на

самое близкое расстояние. Но уже сейчас наступили грозные времена: в Северной Америке почти вся Флорида и бассейн Миссисипи залиты водой. В Южной Америке бассейны Амазонки и Параны превратились в сплошное море. Спасательные отряды не успевают оказывать помощь. Приливная волна несёт на себе деревянные дома, зверей, коров, мулов... Из Новой Гвинеи в Австралию можно было бы и пешком дойти, если бы на это хватило времени до нового прилива. Суматра, Борнео, Ява и Малайя соединились в один материк. Поверхность Земли изменялась до неузнаваемости — появлялось огромное количество новых островов, а новые моря, реки, острова и полуострова исчезали и рождались по два раза в сутки. Нарушилось железнодорожное, морское и воздушное движения. Гибли урожаи. Поля заносились илом. Разрушались плотины. Оказались затопленными приморские города. Обваливались шахты. Было отмечено несколько случаев падения лётчиков... в небо.

Вдруг Архимед резко поднялся и, хватаясь за стенки, пробрался в кабину лётчика:

— Критическая высота! Немедленно спускайтесь пикированием.

Самолёт начал метаться, как подстреленная птица.

— Нас вырывают друг у друга звезда и Земля, — сказал Тюменев. — Из-за нас идёт ожесточённая борьба двух сил притяжения. Кто победит?

— Держитесь, профессор, за меня крепче, — сказал Сушков. — Мы успеем добраться до парашютов и выброситься, прежде чем машина упадёт на землю и разобьётся. Жалко самолёт!

— На Землю?! — отозвался Тюменев. — А может быть, мы падаем вверх. И совершенно не вовремя! Преждевременно! Как же это лётчик не усмотрел?! Ведь сейчас как раз прилив. Барометрический максимум. Давно пора было снижаться.

Но тут болтанка уменьшилась.

Радист успел поймать телефонную трубку и переговорить с лётчиком.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

— Всё в порядке, — сказал он. Сидите на местах и занимайтесь своими делами.

— На землю ничего сообщать не надо?

— Если будет надо — скажу.

Радиостанция работала без перерыва. Радист принял две телеграммы на имя Тюменева и передал ему их содержание.

— Телеграмма первая: «Привет от всех сотрудников Абастуманской обсерватории. Как протекает полёт? Елена Гавриловна спрашивает о здоровье. Аркусов». Ответ будет?

— Нечего сказать, удачное вы-

брали время! — проворчал Тюменев и усмехнулся: — Да. Передайте Аркусову: «Полёт протекает... гм... успешно».

— Снижаемся, — послышался из рупора голос лётчика.

— Отлично, — успокоился Сушков.

— А я всё ещё не уверен, летим ли мы вниз, — проворчал Тюменев и пробрался к иллюминатору. Сквозь разрывы в тучах сияло на небе два новых ослепительных солнца, одно побольше — красное, другое поменьше — голубое. Это двойная звезда Абастумани. Она уже видна невоору-

Когда мы говорим — «Революция продолжается», — то говорим о том, как живут её заветы в наших сегодняшних делах.

Страной Советов пройден огромный путь — от штурма Зимнего до штурма космоса. И нынешний форум советских коммунистов — XXVII съезд КПСС — ещё один шаг на этом пути. Время, когда мы, подводя итоги сделанного, заглядываем в день завтрашний. Его контуры очерчены в новой редакции Программы КПСС. «Партией революционного действия» названа в этом документе партия великого Ленина, закалённая в огне классовых битв.

Не только в школе изучаете вы биографию Родины. Волную-

Олег СЕРДОБОЛЬСКИЙ

Революция — в наших сердцах

Незабываемым ленинским уроком стал для тысяч и тысяч зрителей спектакль «Перечитывая заново» в Академическом Большом драматическом театре имени М. Горького. Мне довелось присутствовать на репетициях этого спектакля, наблюдать, как штрих за штрихом выстраивается сценическое действие, то

обретая широкий эпический размах, то взрываясь горячим спором, то наполняясь тихой лирической интонацией.

Во всю высоту сцены — ряды огромных органных труб. Меняются эпизоды, и на наших глазах трубы то превращаются в белые колонны филармонического зала, где Ильич был на концерте, то в

жённным глазом не только ночью, но и днём. Как быстро выросли размеры солнц за такое короткое время!

Вдруг Красное и Голубое солнца скользнули в сторону, и в то же время Тюменев почувствовал, что он падает на пол. Оказалось — самолёт перешёл от пикирования к горизонтальному полёту. Вспыхнул свет, весело загудели моторы.

В дверях каюты появился Архимед, и уже странным казалось, что он стоит на полу, а не на стене.

— Мы вышли из опасной зоны, — сказал он спокойно. — А ведь на во-

лос были от того, чтобы свалиться с Земли.

Зазвонил телефонный звонок.

— Слушайте же текст второй телеграммы, товарищ Тюменев, — говорил радист повеселевшим голосом: — «Филиппины оставлены. Идём к острову Туам. Ложитесь на курс $12^{\circ}44'$ с. ш. и $145^{\circ}50'$ в. д. Шипольский».

— Безобразия! Ложитесь на курс! Чего их там носит?! — закричал Тюменев, не отнимая телефонной трубки от рта. — Ложитесь! Безобразия! Вот именно!

— Я ж не виноват, товарищ Тю-

щими страницами открывается она в семейной хронике, бережно хранимой вашими родителями. Уроками истории становятся и спектакли на героическую тему, — они в программе фестиваля искусств, посвящённого партийному съезду. Остановимся у рекламной тумбы, оклеенной свежими афишами. На них — названия спектаклей о революции и революционерах, чьи биографии служат нам высоким примером «делать жизнь с кого».

Сегодня мы печатаем интервью, взятые нашим корреспондентом О. Сердобольским на репетициях трёх спектаклей, посвящённых XXVII съезду КПСС.

трубы черноморского крейсера, перешедшего на сторону революции. И вот — словно людское море плещется у Финляндского вокзала. Это революционный Петроград встречает своего вождя, вернувшегося из эмиграции. На броневике — Ленин.

И тут в моей памяти всплыл драгоценный эпизод нашей семейной хроники. Нет, это было не со мной, и до рождения моей мамы оставалось ещё два года. Воспоминание о том апрельском дне семнадцатого года сохранила бабушка Марина, двадцатидвухлетняя питерская телеграфистка. Ей было некогда, она спешила на свидание с моим дедушкой, и только на минуту остановилась, чтобы послушать человека на броневике.

— Кто это?

— Ленин! — ответил ей кто-то из рабочих.

Моя бабушка не была революционеркой, и не очень понятен ей был тогда призыв: «Да здравствует социалистическая революция!», — но спустя годы снова и снова возвращалась она к тому дню весны, за которым громыхнул орудиями «Авроры» революционный Октябрь. А в моей памяти вот так же на всю жизнь останется другой весенний день — я запомнил всеобщее ликование, когда полетел в космос Гагарин. Это тоже было в апреле. И этот день тоже останется в нашей семейной хронике.

Но вот я вновь на репетиции в БДТ. В том, как играл Ленина народный

менев,— сказал радист, и по голосу было слышно, что он улыбается.

— Вы, конечно, не виноваты. Я не вас и браню,— продолжал Тюменев взволнованно в трубку.— Но, понимаете, какая чепуха получается! Они могут погубить всё дело. Звезда ожидать не будет! Я опоздаю к сроку, и океанская вода улетит без меня. Наш теплоход должен был доставить меня из Владивостока в Манилу. Но он едва ли изменит путь и пойдёт к острову Туам, который лежит восточнее и в стороне от океанских дорог. Что же мне теперь делать? На перекладных путешествовать?! Но как? Вот прыгуны! Шипольскому восемьдесят четыре года, а прыгает, как...

— Подождите, товарищ Тюменев. Я получил одну зашифрованную телеграмму на ваше имя,— сказал радист,— сейчас расшифрую.

Через несколько минут он сообщил:

— Ну, вот. Шипольский сообщает, что вокруг Филиппин, морской базы Соединённых Штатов, приливом сорвало много плавучих мин. Вылавливать их среди непрекращающегося волнения океана невозможно,

опасность взорваться на mine велика. Поэтому Шипольский перешёл к острову Туам. До вашего приезда он надеется успеть исследовать во время отлива одно из глубочайших мест океана, находящееся возле этого острова.

— Знаю. Шипольский говорил. 9636 метров. А возле Филиппин глубина 10 793 метра. Но меня интересует не морская глубина, а небесная.

— Попробуем сговориться с нашими дальневосточными Краснофлотцами. Может быть, они нам помогут? — предложил Архимед.

— Подводный корабль? Это идея! Товарищ радист! — закричал Тюменев в трубку телефона.— Соедините меня...

ОЖИДАНИЕ НА «НЕПТУНЕ»

Советский теплоход «Нептун» недаром называли плавучим океанографическим институтом. Научная экспедиция под руководством восьмидесятичетырёхлетнего океанографа академика Шипольского изучала глубочайшие места Тихого океана у берегов Японии, Филиппин и Мариан-

артист СССР Кирилл Лавров, не было плакатности, и эта простота по-новому высвечивала великий образ, делала более проникновенным слово вождя.

— Каждый актёр, который берётся за воплощение ленинского образа, должен находить в нём новые черты, смелее искать природу действий, природу мысли этого «самого человеческого человека» — вот этим я сейчас и живу,— сказал мне тогда после одной из репетиций Кирилл Юрьевич. — Хочется не думать о походе, жестах, костюмах,— не искать похоти, а найти подлинную жизнь, чтобы она текла, не прерываясь, и была достоверна во всех эпизодах: и камерных и драматических. Удача или неудача будет зависеть от того, насколько удастся преодолеть «хрестоматийный глянец», воплотить в этой роли присущее только мне.

За воплощение образа Владимира Ильича актёру была присуждена Ленинская премия. Сам Кирилл Юрьевич рассказывал потом, как много дала ему эта роль как гражданину, коммунисту, депутату Верховного Совета СССР, который по долгу своего общественного положения должен нередко вмешиваться в сложные

конфликты, помогать людям, бороться с бюрократами, чинушами, «обещалкиными». Ведь зрители не сомневаются, что выйти на сцену в такой значительной роли имеет право не просто талантливый, но ещё и по-человечески хороший актёр, который никогда не пройдёт мимо несправедливости, беспорядка.

А теперь с набережной Фонтанки перенесёмся на Театральную площадь, где бросил якоря... броненосец «Потемкин». Нет, ему, конечно, было бы не войти в протекающий поблизости Крюков канал. Очертания корабельной палубы обретаёт сцена расположенного на площади Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, где разворачиваются события героического балета о «непобеждённой территории революции» — так назвал Владимир Ильич Ленин мятежный броненосец, поднявший знамя борьбы с царизмом.

Пока я единственный зритель в зале — идёт репетиция. А на сцене расprostёрты могучие крылья буревестника, зовущего за собой сильных духом. Смел и стремителен его порыв. И вот один за другим люди начинают повторять дви-

ских островов при помощи автоматического гидростата.

Тюменев не преувеличивал, называя гидростат чудом техники. Аппарат цилиндрической формы мог погружаться на глубину почти десяти километров с целью зрительных и фотонаблюдений, вмещал в себя до десяти гидронавтов и мог находиться под водою продолжительное время. Он был оборудован разнообразными научными приборами. Имел иллюминаторы и перископы для наблюдений глазом, фото- и киносъемок. Сверх того, поверхность его оболочки была покрыта мельчайшими фотоэлементами-ячейками, как у глаза мухи, с проводами, уходящими внутрь аппарата — на экран. Это и делало стенки гидростата как бы прозрачными. Для освещения водных глубин имелись мощные прожекторы. Управление погружением, поворотами, всплытием производилось изнутри. Скорость подъема с глубины десяти километров — около двух часов. Новейшие аккумуляторы необычайной мощности с избытком снабжали аппарат энергией.

Внутри гидростат представлял собою как бы многоэтажное здание.

Прутковый трап связывал этажи. В нижнем, «подвальном», этаже помещался аккумуляторный отсек; выше, на платформе — центральный пост, где помещалось всё управление; рядом — электрическая станция для регулирования поступления кислорода, прибор регенерации воздуха, манометры. Поднимаясь ещё выше по прутковому трапу, можно было попасть в отсек, где помещались механизмы: пусковые реостаты моторов, приборы для сжигания водорода, гидравлический насос, механизмы для вращения гребных винтов и поворотные механизмы. Ещё выше в двух отсеках располагались каюты для жилья. А ещё выше шли склады продовольствия. Гидростат увенчивался «чердаком» — лёгкой надстройкой, где могли помещаться люди после всплытия, если море было бурным и не позволяло выйти наружу. В палубе находился люк эллиптической формы, снабжённый водонепроницаемой крышкой и иллюминатором. Гребные винты проходили через стенку и уплотнительный сальник. Для вращения в горизонтальной плоскости имелся инерционный механизм — массивный маховик на

Сцена из спектакля «Перечитывая заново». В. И. Ленин — народный артист СССР Кирилл Лавров. Солдат Шадрин — заслуженный артист РСФСР Андрей Толубеев.

Фото Ю. Белинского

жения птицы, ставшей поэтическим символом революционных бурь нашего времени. Буревестник — один из главных смысловых образов балета «Броненосец „Потёмкин“», над которым работает главный балетмейстер театра народный артист СССР Олег Виноградов.

В те дни спектакль ещё только обретал свою пластику. В мастерских шились костюмы, писались декорации. Их облик можно представить по эскизам приглашённого для постановки тбилисского художника Теймураза Мурванидзе: вся сцена закована в броню, сквозь которую прорываются восставшие потёмкинцы.

Сюжетную основу спектакля составляют реальные события, происшедшие в июне 1905 года на корабле черноморского флота. Балетмейстер сам написал либретто, выстроив эпизоды по нарастанию их драматического накала.

— Воплощение темы революции в балете ещё не имеет сложившихся традиций, тем сложнее и увлекательнее наша творческая задача — воплотить в танце героический порыв восставших борцов, — говорит Олег Михайлович. — Образ броненосца — это обобщённый портрет самодержавной России, бронированной военной машины, внутри которой — неспра-

вертикальной оси, приводимый во вращение мотором.

Работа экспедиции протекала успешно. Каждое погружение гидростата давало огромный научный материал. Кроме того, сильнейшие приливные явления вызывали небывалое перемещение нижних и верхних слоёв океанской воды, и на поверхности появлялись трупы глубоководных животных, разорванных внутренним давлением. Сотрудникам «Нептуна» оставалось только подбирать их.

Однако чем ближе подходила звезда к Земле, тем опаснее становилось пребывание экспедиции на экваторе, где притяжение звезды чувствовалось особенно сильно. Переходы от прилива к отливу сопровождались всё более бурными явлениями и в воздухе и в океане. «Нептун» постепенно поднимался приливом вверх вместе с растущей водяной горой и медленно, несколько часов, опускался вниз. Если теплоход оказывался не на самой вершине, а на склоне водяной горы, его положение становилось критическим. Он валился набок, его заливали волны небывалой высоты. Тучи то смешивались с вол-

нами, то внезапно перелетали через водяную гору или же поднимались на необычайную высоту и исчезали. Атмосфера была насыщена электричеством.

Капитан теплохода Виноградов все последние дни чрезвычайно нервничал и наконец не выдержал, пригласил к себе в каюту академика Шипольского и его молодых сотрудников — Прохорова, Залкина, Савича и Дудина — и обратился к ним с такой речью:

— Мне приказали ожидать профессора Тюменева. Он не явился в срок и не подаёт о себе вестей. Быть может, погиб. Это, к сожалению, в такое время естественно. Ждать больше не могу. Я отвечаю за теплоход, отвечаю за команду, отвечаю за вас всех. Сейчас отлив — и мы опускаемся. А уже в следующий прилив — через несколько часов! — звезда оторвёт часть океана. Вместе с теплоходом! Нам необходимо как можно скорее уходить на север. Гидростат придётся бросить. Тащить его на буксире — значит, задерживать ход. Я нарушу приказ, но спасу людей. Пусть меня судят!

Это было сказано таким решим-

Народный артист СССР Олег Виноградов на репетиции балета «Броненосец „Потёмкин“».

Фото Ю. Белинского.

тельным тоном, что все поняли — спорить бесполезно.

— Гидростат должен быть спасён. Звезда может похитить его, — горячо воскликнул научный сотрудник Прохоров. — Если его нельзя взять с собой на север, следует кому-нибудь из нас погрузиться в гидростат на максимальную глубину и там отсидеться, пока звезда будет отрывать верхушку океана, а потом всплыть на поверхность. Я опускаюсь. Кто со мной?

Залкин, Дудин и Савич подняли руки.

Шипольский о чём-то задумался, затем спросил капитана:

— А что будет с профессором Тюменевым и его сотрудниками, если они придут к острову Туам и не найдут здесь теплохода? На обратный путь им не хватит ни горючего, ни продовольствия. Население Туама и других островов давно эвакуировано. Гидростата, даже когда он всплывёт, они могут и не заметить и тогда погибнут в океане или же в небе, захваченные звездой.

Капитан Виноградов развёл руками.

— Печально, — сказал он, — но что станет с академиком Шиполь-

ским и его сотрудниками, если мы задержимся?

— Я прошу подождать хотя бы несколько часов, — сказал Шипольский.

Виноградов отказывался. Шипольский настаивал. Сотрудники поддерживали Шипольского.

И вдруг — голос вахтенного:

— Подводная лодка на горизонте!

— Это, наверное, он! — взволнованно сказал Шипольский. — Идёмте!

Все поднялись на капитанский мостик. К теплоходу быстро подходил большой подводный корабль. На мостике стоял Тюменев и махал шапкой.

...Они стояли друг против друга, два знаменитых учёных: высокий, крижистый, румяный, с пушистыми усами восьмидесятичетырёхлетний океанограф академик Шипольский и седоусый, седобородый старик — астроном Тюменев.

Вокруг них почтительно стояли молодые сотрудники Шипольского.

— Летим на звезду, Анатолий Иосифович? — шутил Тюменев, крепко пожимая руку Шипольскому. — На Бете, по всей вероятности, есть океаны, изучать будете.

ведливость, гнёт, жестокость. История «Потёмкина» широко известна по гениальной кинокартине Сергея Михайловича Эйзенштейна, которая открывает список лучших фильмов мирового кинематографа. Мы, однако, не делаем хореографический вариант этого шедевра, потому что у балета свои законы и свои выразительные средства.

Балет в основном мужской по составу. В нём противопоставлены два непримиримых лагеря. С одной стороны — это толпа матросов, сначала стихийная, задвленная, а в финале — коллектив, сплочённый идеей борьбы за свободу. С другой стороны — «белоснежные офицеры», руки которых обгажены кровью расстрелянных.

Идея балета возникла у Виноградова много лет назад, когда он впервые увидел в Одессе памятник потёмкинцам. Групповая скульптурная композиция представилась ему остановленным мгновением танца, и он зарисовал её на память. С годами замысел оброс подробностями. Балетмейстер обратился в истори-

ческие архивы, где познакомился, в частности, с коллективной поэмой «Потёмкинцы». Её написали в эмиграции участники восстания, иные из них в семнадцатом году вернулись на родину, других жизнь разбросала по свету.

Музыку к спектаклю, словно несущую в себе голос приближающейся бури, написал молодой московский композитор Александр Чайковский — однофамилец Петра Ильича Чайковского, который когда-то именно на этой сцене увидел свой первый балет.

Третью остановку в нашем театральном путешествии по городу сделаем на богатой революционными событиями Петроградской стороне, из конца в конец пронизанной Кировским проспектом. Многое связано здесь с именем Сергея Мироновича Кирова. Вот хотя бы Театр имени Ленинского комсомола, у истоков которого он стоял. Образ пламенного партийца ленинской закалки воплотили здесь постановщики спектакля «К вам с любовью и яростью».

— На мой век, Иван Иванович, и земных хватит,— улыбаясь, отвечал Шипольский.— Не убедили меня в Ленинграде, а здесь не убедите и подавно. Вон что делается! — И он широким жестом показал на горизонт.— Поздновато ваша звезда явилась. Я успел состариться. Куда мне лететь!

— Глупости. Старости нет. Старость! Всё это выдумки. Вот именно! Посмотрите на меня.

— Да вы молодой человек по сравнению со мной... — ответил Шипольский.

— Молодой!

И оба засмеялись.

Шипольский начал с увлечением рассказывать о необычайных находках в глубинах океана, о загадочных глубоководных животных, которых океан тысячелетиями скрывал от людей. Щёки его ещё больше порозовели. Он забыл о своих годах, о подагре и начинающейся глухоте, забыл о том, что находится среди бурного океана и что над головой его сверкает зловещая звезда.

Тюменев слушал его с трудом: от тёмных океанских глубин мысли аст-

ронома невольно улетали к тёмным глубинам неба.

Капитан Виноградов ходил по капитанскому мостику, смотрел на волны, на небо и сердито отдувался. Он не мог дожидаться наступления отлива. Только бы скорее усадить в гидростат Тюменева с его спутниками и — бежать, бежать на север, спасая жизнь вверенных ему людей.

Архимед стоял возле борта и смотрел на океан. На его зелёной поверхности сверкало красноватое пятно — отблеск звезды Абастумани.

А на волнах ныряла, как поплавок, верхняя надстройка гидростата. На палубе стоял человек небольшого роста — он махал Архимеду рукой. Архимед присмотрелся и узнал Николая Владимировича Савича, третьего участника полёта, молодого океанографа, помощника Шипольского.

Архимед помахал в ответ рукой. Ему вспомнилась поездка в Ленинград — вечера в большой квартире Шипольского, обсуждение планов использования гидростата для полёта на Бету. Вспомнилось взморье. Хлопотливый Савич с испачканными машинным маслом руками. Знакомство

Эта фотография «оживает» в новом спектакле Театра имени Ленинского комсомола «К вам с любовью и яростью». Главный герой спектакля — Сергей Миронович Киров.

Фото Ю. Богатырёва.

с гидростатом, с его сложными машинами, остроумными приборами... И вот их жизненные пути сошлись здесь, в океане, чтобы дальше идти вместе... куда? В неведомое...

Был редкий час затишья: недвижим воздух, спокоен океан. Этим затишьем необходимо было воспользоваться, чтобы перебраться в гидростат, погрузить продукты и большой парашют, предназначенный для спуска гидростата на Бету, а также сделанные по особому заказу Тюменева, лёгкие и не занимающие много места астрономические инструменты.

От теплохода к гидростату и обратно двигалась моторная лодка. Тюменев и Архимед наблюдали за погрузкой. Научные сотрудники Шипольского справлялись с этим делом не хуже заправских матросов и грузчиков.

Приплыл на шлюпке Савич — лицо его было озабоченно, даже мрачно, но, увидев своих товарищей — океанографов, он принял беззаботный вид.

Погрузка подходила к концу. С последним рейсом на моторной лодке прибыл Шипольский. Ему было трудно подняться по отвесному тра-

пу, и он простился с отлетающими, стоя в лодке.

— Ну, а вы как? — спросил Тюменев.

— А мы, — ответил Шипольский, — как говорится, на всех парусах немедленно — на север. Желаю удачи! Прощайте!

Последний груз принят. Сотрудники Шипольского спустились по трапу и прыгнули один за другим в моторную лодку. На мостике гидростата остались только Тюменев, Архимед и Савич.

Последние прощальные возгласы, и лодка уходит к теплоходу.

«МЫ ЛЕТИМ!»

Наступал прилив.

Три человека, обрётшие себя на добровольное изгнание с Земли, стояли и, не отрываясь, смотрели на теплоход, на океан, на небо — хотели наглядеться в последний раз.

— У нас ещё много времени, — сказал Тюменев, словно в оправдание. — Постоим, посмотрим, пока теплоход скроется за горизонтом...

Но вот краски заката угасли. Стало темнее. Теплохода уже не

Название воспринимается как строка из письма или выступления Сергея Мироновича, но на самом деле его придумал автор пьесы молодой драматург Геннадий Соловский, досконально изучивший жизнь выдающегося революционера.

— Название, по-моему, отражает самую суть личности Кирова — его любовь ко всему прекрасному, доброму, человеческому всегда сочеталась с яростью к врагам революции, ко всему, с чем не могло мириться сердце коммуниста, — считает автор пьесы. — Воссоздать на сцене всю биографию Кирова невозможно — настолько богата она событиями. Мы стремимся через цепь воспоминаний прикоснуться к различным эпизодам жизни и борьбы Сергея Мироновича, приблизиться к той далёкой и неповторимой эпохе, в грозной лавине которой сформировалась личность этого удивительного человека.

Пьеса, написанная по заказу театра, вобрала в себя дух сотен и сотен доку-

ментов — стенограмм совещаний и конференций, писем, статей, рукописных воспоминаний людей, знавших Кирова. Томск, Владикавказ, Астрахань, Ленинград — вот наполненные любовью и яростью адреса его жизни, его борьбы.

У Театра имени Ленинского комсомола уже есть опыт обращения к теме революции. Традицию воплощения героического обновляет своим художественным взглядом на историю главный режиссёр театра Геннадий Егоров. Пьеса «К вам с любовью и яростью» рождалась в жарких спорах, и на спектакле зрители каждый раз будут свидетелями самого рождения пьесы, в которой автор постепенно сливается со своим героем.

А эпиграфом, пронизывающим всю суть спектакля, станут крылатые слова, сказанные Кировым на XVII партсъезде:

— Успехи у нас действительно громадные. Чёрт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить!

видно. Крещает ветер, всё выше вздымаются волны. Из-за тёмного горизонта на севере начали подниматься два небольших, но ослепительно-ярких солнца. От места их восхода до гидростата пролегла золотистая полоса. Звезда напоминает о себе, смотрит на людей своими злобными разноцветными глазами — голубым и красным. И трое людей, ослеплённые её светом, словно загипнотизированные, не могут отвести от неё глаз.

Волна, поднявшаяся выше мостика, бросает к ногам людей шипящую пену. Это выводит их из столбняка. Стоять на мостике становится опасно.

— Ну, что же, пора сходить вниз. Распожайтесь, товарищ Савич. Прощай, Земля!

Савич открывает люк.

— Сходите осторожнее, — предупреждает он, спускается последним и закрывает люк наглухо. Мимоходом зажигает электричество. Лампочки загораются на всём протяжении трапа, во всех этажах. Верхний отсек забит до отказа ящиками, бидонами, большими металлическими банками — продовольствием.

Отопление ещё не работает, и в гидростате после душного воздуха экватора прохладно.

С лёгкостью обезьяны, цепляясь за край трапа, Савич опережает Тюменева и Архимеда, минует жилые каюты с подвешенными у стен койками, помещение для механизмов и проникает на центральный пост. Потом пускает генератор. Дает полный свет, включает электропечи, аппараты, дающие кислород и очищающие воздух.

Гидростат оживает. Слышатся гулы, жужжание, ритмические шумы. Яркие лампы освещают сложные приборы, лёгкие металлические кресла... Становится тепло и уютно. Правда, от стены до стены — пять шагов. Тесновато, но удобно. Всё под руками.

Тюменев улыбается и от удовольствия потирает руки. Теперь звезда может вырвать у Земли часть океанской воды. Он проверяет, всё ли

в порядке: иллюминаторы, перископы, сложная оптика, позволяющая хорошо видеть, что делается за толстыми двойными стёклами гидростата; проверяет «видящие» зоны поверхности на оболочке гидростата. Сильные прожекторы, вынесенные наружу, хорошо освещают картины подводного мира.

Всё в порядке. Тюменев видит, как за стеной беспорядочно мечутся рыбы. Но астронома больше интересует, что делается на поверхности. Через верхний перископ он увидел остров Туам, хорошо освещённый звездой. Прилив погружал остров в пучину океана. Океан мерно поднимался и опускался. И каждый последующий подъём был выше предыдущего. Шла последняя борьба сил притяжения — звезды и Земли.

Вид неба и океана становился страшным. Маленькие — Красное и Голубое — солнца на ночном небе, соединяя свои лучи, освещают Землю зловещим фиолетовым светом. Океан стонет, кричит, вздымаясь всё выше, как лошадь, которую резкими ударами поднимают на дыбы. Стихии воды и неба словно обезумели. Волны взбрасывались вверх на невероятную высоту, пробивая тучи. Друг за другом гонялись огромные смерчи. Обрывки туч гонялись за смерчами и друг за другом, соединялись, разрывались, разлетались, поднимались, падали, смешивались с волнами и пеной. Границы неба и земли стирались. Водяные массы вздымались, закручивались жгутом, как солнечные протуберанцы, и неизвестно было, падала ли верхушка этих водяных протуберанцев в океан или же уносилась в безвоздушное пространство.

Тюменев был захвачен этими страшными, но величественными картинами, которые напоминали ему описание рождения земного шара.

— Изумительно! — ежеминутно восклицал он. — Если вообразить, что это не океан и воздух, а огненная стихия раскалённых газов, то мы получим верную картину того далёкого времени, когда возле нашего Солнца прошла неведомая звезда и

вырвала с его поверхности огненные массы, из которых и образовались потом планеты. А вы ощущаете, какая лёгкость во всех членах? Звезда поднимает нас невидимыми силами, и мы теряем вес. Да, да. Сейчас я мог бы одной рукой поднять тебя, Архимед! — говорил Тюменев.

Когда волна заливала перископ, Тюменев волновался, нетерпеливо ожидая, когда видимость восстановится. Гидростат с наполненными воздухом камерами держался на поверхности бурного океана, как поплавки.

— Ну, ну, нажми ещё немного! — поощрял Тюменев звезду. — Ещё одно усилие, и ты вырвешь из океана маленькую водяную планетку подобно тому, как твоя сестра некогда вырвала из недр Солнца кусок его огненной материи. Нажми же ещё немного, поднатужься!

Савича и Архимеда очень забавляло никогда не испытанное раньше ощущение потери веса собственного тела. Они приподнимали друг друга, сдвигали вещи, подпрыгивали к потолку.

Во время этой возни они и не заметили, как в разноголосое пение аппаратов и машин ворвался новый звук — глухой шум.

— Что такое? Я больше ничего не вижу. В чём дело? Перископ испортился? — с волнением воскликнул Тюменев.

— Товарищ Савич, где включатель подводного прожектора? — спросил Архимед. — Ах, вот он. — И Архимед повернул включатель.

Через две секунды стены стали «прозрачными» и путешественники увидели рыб, быстро проносящихся снизу вверх.

— Мы падаем! Опускаемся! — уже с ужасом воскликнул Тюменев. — Почему? Странно. Непонятно. Что произошло?

Но Савич уже понял в чём дело и бросился к механизмам, управляющим наполнением и откачкой воды в балластных цистернах. Если

гидростат начал погружаться, значит, балластные цистерны наполнились водой. Но каким образом? Выяснить времени не было. Савич спешил освободить цистерны от воды, после чего гидростат должен был всплыть.

Потекли томительные секунды, которые решали судьбу экспедиции. Скаждым метром погружения уменьшалась надежда на полёт. Волнение Тюменева достигло высшей степени. Он тяжело дышал, побледневшее лицо покрылось потом. Если бы его тело не потеряло значительную часть своего веса, он не устоял бы на ногах. Широко раскрытыми глазами с тоской смотрел он на рыб, поднимающихся вверх, словно они уже летели на звезду, в то время как он оставался пленником Земли.

Наконец лицо его оживилось, и уже с радостным волнением он то и дело восклицал:

— Ага, смотрите! Рыбы начали подниматься вверх медленнее, значит, наше опускание замедлилось.

— А вот рыбы начали уже и опускаться. Мы поднимаемся!

— Поднимаемся, Архимед! Великолепно! Интересно знать, оторвались ли мы от Земли или нет?

— Нам надо всплыть на поверхность, тогда мы уж улетим в небо наверняка!

— А быть может, мы уже летим?!

— Мы летим, дядюшка. Смотрите! — И Архимед показал на «прозрачную» стену.

Видны были звёзды. Глубоко внизу лежал океан.

— Летим! И как незаметно. Красота. Вот именно! — восторженно воскликнул Тюменев.

— Летим, — сказал Архимед так просто, словно они находились в дачном поезде.

— Летим! — со вздохом отозвался Савич. Ему взгрустнулось.

Уж не раскаивался ли он в том, что пустился в это рискованное путешествие?..

(Продолжение следует)

Рис. В. Качальского

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Владимир СТРУГАЦКИЙ

Владимиру Стругацкому 35 лет. Он — журналист, и эта беспокойная профессия не даёт ему возможности сидеть на одном месте.

На протяжении последних десяти лет Владимир Стругацкий постоянно участвует в полярных экспедициях: он не раз бывал на дрейфующих станциях «Северный полюс»; в 1981—1982 годах жил на антарктической станции Восток (там находится полюс холода нашей планеты), в прошлом году был среди участников экспедиции к берегам Шпицбергена и Исландии; на Шпицбергене путешествовал в тех местах, откуда отправлялись на дирижаблях к Северному полюсу Умберто Нобиле, Руал Амундсен...

О полярниках, полярных лётчиках, учёных, о Музее Арктики и Антарктики написаны В. Стругацким книги, созданы документальные фильмы.

В «Искорке» Владимир Стругацкий печатается впервые. Рассказ, который мы вам предлагаем, автором не придуман. Это — эпизод из его жизни на СП-25.

Двенадцать обжорливых мужчин

Утром начальник СП-25 Сидоров сказал:

— Камбуз у нас теперь уже есть, а повара нет. Пока повар не прилетит из Ленинграда, предлагаю выдвинуть из наших рядов наиболее для этого дела достойного. — И он указал на меня, вашего покорного слугу.

На лицах полярников появилась довольная ухмылочка, и я понял, что подо мной роют яму глубиной с Ледовитый океан, и я, ох, с каким треском в эту яму проваливаюсь.

Все тут же стали расходиться, сделав вид, что их ждут великие дела, а я, всеми заброшенный и покинутый, остался на льдине посреди океана один. Оказывается, бездушные, чёрствые люди эти полярники! Ни капли жалости к ближнему! И этими людьми я восхищался, и это о них писал, захлёбываясь от вос-

торга. Вот она — награда. Бросили на произвол судьбы. И нет им дела, что верх моих кулинарных способностей — картошка в мундире! Ну, вот я своё фирменное блюдо им и подам. Вы ещё пожалеете, что назначили меня поваром!

Но когда я представил себе, что на камбуз придут обедать двенадцать мужиков, явно не похожих на диетиков, а на столе — картошка да хлеб, я понял, что через несколько секунд к этому блюду они прибавят ещё одно — довольно костлявую отбивную, сделанную из вашего покорного слуги.

Значит, вариант с картошкой в мундире отпадает.

Я стоял посреди льдины и тихонько выл от отчаяния. Хотя бы белый медведь на мой вой явился, что ли. Съел бы все продукты, которые лежат под брезентом, — и ему

приятно, и мне ничего готовить не придётся. Но, увы, даже белые медведи меня не услышали.

И тут ко мне подошёл Сидоров.

Всё же нашла на станции одна сочувствующая душа! А я-то ругал их всех. Сейчас, думаю, ободрит меня, а может, кого-нибудь и в помощь даст.

Но начальник станции просто подошёл, улыбнулся как-то мягко, по-отечески и сказал:

— Товарищ повар, не забудьте — обед ровно в час.

— В этот час пробьёт мой час, — вздохнул я, но Сидоров моих слов уже не слышал, он шагал к груде только что прибывших грузов, чтобы отыскать ящик с умывальниками.

В создавшейся ситуации идеальный вариант — связаться по радио с женой и попросить её коротко обрисовать процесс приготовления обеда. Но и этот вариант, увы, пришлось отбросить. СП-25 ещё не установила свою радиостанцию и в эфир не выходит. А может быть, тихо и мирно отправиться в сторону берега? Ну, подумаешь — до ближайшей суши 800 км. Представляю, как будут горевать полярники, когда через несколько дней найдут среди торосов моё бездыханное тело... А о том, чтобы улететь с первым же самолётом, и речи быть не может — под общее улюлюканье меня вытащат и вернут на камбуз.

Ну что ж, приготовлю им обед. В конце концов, сами назначили — пусть сами и расхлёбывают. Вернее — хлебают.

Вот только что приготовить?

Надо чего-нибудь попроще, и желательно, чтобы после обеда все остались живы и чуточку здоровы.

Ну, можно, например, приготовить блюдо без определённого названия, соединяющее в себе сразу и первое, и второе. Для этого надо взять мясо, положить его в воду, поварить часа два, а потом туда добавить картошки. Получится отличный супешник. Ароматный запах! Каждому положу в тарелку по огромному куску мяса. Все сыты, все довольны. Меня качают на руках и

говорят, что лучшего повара на дрейфующих станциях «Северный полюс» не было со времён папанинской льдины.

У меня даже настроение повысилось. Всё-таки благородно — взять на себя самую трудную на станции работу, кормить прекрасных людей, живущих на льдине чёрт знает в каких условиях... А то ведь прилетят на льдину мои коллеги — журналисты, побудут несколько дней, передадут по радио заметку и — до свидания. А обо мне будут вспоминать долго и всем рассказывать: «Вот когда станция только строилась, прилетал к нам один журналист. Замечательный человек. Представляете — самые трудные, напряжённые дни, а он взялся всю станцию кормить. И так готовил — лучше, чем в любом ресторане».

Аж подпрыгивая на ходу от переполнявшей меня гордости, я отправился на камбуз, чтобы поскорее претворить свои мечты в жизнь.

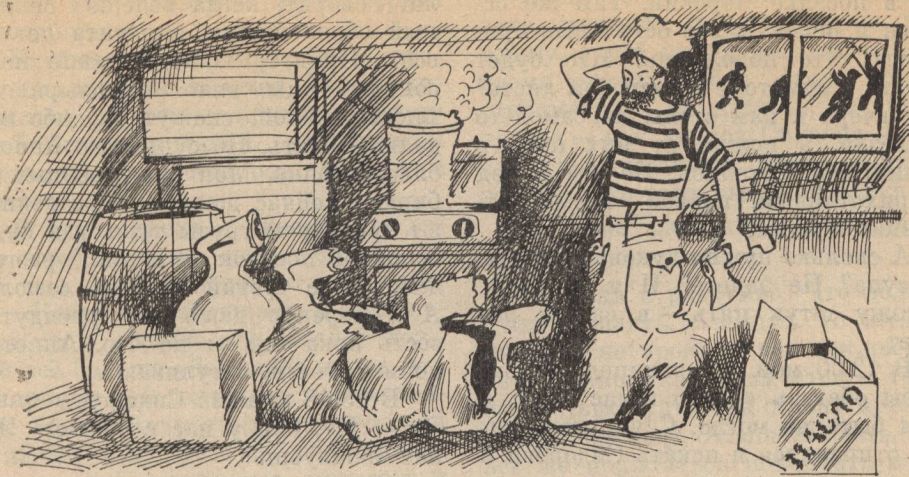
Значит так: берём ведро и наполняем его водой до краёв.

Стоп, дорогие товарищи, всё прекрасно, кроме одного, — где вода? Где, спрашивается, та вода, без которой в нашем поварском деле, как известно, ни туды и ни сюды? А вода — вон она, целый океан. Но мне-то нужна водичка пресная. А это уже проблема. Снега полно, но воду из него ещё приготовить надо.

Я раздобыл ножовку, впрягся в волокушу и направился к ближайшим торосам. У подножия торосов выпилил и уложил на волокушу первый куб снега. Второй укладывать не пришлось — он рассыпался в руках. Третий нёс, как несут хрустальную вазу. Постарался уложить снежных кубиков побольше, чтобы лишний раз за ними не бегать. Опять впрягся в волокушу и тронулся в обратный путь, чувствуя себя «бурлаком в Ледовитом океане».

У первого же бугра моя волокуша перевернулась и весь наваленный ровными кубиками снег превратился в бесформенную массу. Я собрал осколки покрупнее и решил, что на суп и чай хватит —

пилить снег снова у меня не было ни желания, ни времени.

Но вот водрузил я на двухконфорную газовую плитку ведро, напихал туда снега, повернул вентиль газового баллона, и приготовление первого блюда началось.

— Сейчас, — решил я, — сбегая за мясом, ополосну его — и в ведро. И всё самое трудное будет позади. Кину лаврушку-петрушку, и варись, суп, вкусный-превкусный.

Подбегаю к нашему продовольственному складу — к грудке на снегу, накрытой брезентом, — откидываю брезент и вижу... громадную коровью тушу. Мне стало дурно. Как эту тушу рубить? И вообще, какую часть от туши кладут в суп?

Не стану описывать всех подробностей, скажу только, что я имел дело не со славной нашей бурёнкой, которая пасётся в деревне на родимом лугу, а с упрямым и жёстким иностранным быком. Об этом свидетельствовал штамп, на котором по-английски было выведено — «Аргентина».

Не знаю, бывает ли в Аргентине коррида, но то, что мой бык был знаком с корридой с детства, я вам ручаюсь. Когда я попытался отрубить от его зада килограмма два мякоти, он взбрыкнул так, что, казалось, сто тысяч зрителей на стадионе подзуживают его своими воплями и хотят моей смерти. Жутко подумать, какой темперамент был у моего быка в

юности, если даже теперь он был так агрессивен. Мой топор отскакивал от его окаменевшего на морозе тела со звоном и визгом. С каждым ударом туша быка содрогалась и он старался лягнуть меня ногой в живот. Но я тоже малый не промах. Ударю, отскочу метров на пять и снова подбегаю. Схватка была упорной и долгой. Порой мне казалось, что я пытаюсь рубить топором асфальт на Невском. На теле быка оставались только рубцы, выделить хотя бы шматок своего мяса в суп отважным советским полярникам он явно не желал.

Минут через сорок, видно зауважав моё упорство, бык утомился. Мне удалось нарубить кусков десять этой проклятой бычатины и кинуть в ведро. Мыть мясо я не стал — на морозе и так все микробы сдохли. Сдирать клеймо со словом «Аргентина» тоже смысла не имело. Это заняло бы ещё минут тридцать, а до обеда оставалось каких-нибудь часа полтора. К тому же я однажды был в доме, где пекли пирожки «с секретом». В одном из пирожков — записка. Кому попадётся — тот радуется. Вот и у меня такой сюрприз в супе будет.

Ну, дальше с супом должно быть всё просто — кидай лавровый лист и снимай пенки.

Но оказалось, что лаврового листа к нам ещё не завезли. Он остался пока на берегу океана, на Колы-

ме, в посёлке Черский. Там же остался и перец, и все остальные приправы. Что поделаешь? Кто будет думать в суматохе о лавровом листе? Вон вчера к нам столы на самолёте привезли, а ножки от них пока в Ленинграде остались. Но мы народ неприхотливый, первое время на ящиках поедим.

А сколько нужно луковиц на ведро супа? Не знаете? И я не знаю. Положу штук пять — в самый раз будет.

В 12.00 мой суп закипел. О том, чтобы обедать «ровно в час дня», и речи быть не могло. С понурым видом отправился я искать Сидорова и просил его назначить обед на час позже.

Сидоров благосклонно согласился. А я принялся за картошку. Начистил полведра. Решил, что картошка на второе — самое милое дело. Если ещё открыть пару банок лечо, то и совсем прекрасно.

Дальше всё пошло, как в чаплинских фильмах. Я бегал за снегом, кидал его в вёдра, по дороге снег у меня в руках рассыпался, и на полу в камбузе образовалось что-то вроде Ледовитого океана в миниатюре. Я топил снег, кипятил чайники, намывал новенькие миски, проложенные в ящике стружкой, выносил на 25-градусный мороз тазы с водой почти в чём мама родила и при этом вытирал с лица пот...

Когда, по моим понятиям, моё блюдо без названия уже поспело, я кинул туда полпачки вермишели. Минут через десять я приподнял крышку и увидел в ведре нечто непонятное, напоминающее по цвету молочный суп.

Ладно, переживут...

Теперь осталось наложить в миску масло. Миску, нож и — за маслом, под тот же брезент. Масло в коробке. Ещё не начатое. Втыкаю нож, а он не лезет: масло на морозе окаменело. Я весь взмок, но масла набрал. И опять бегом на камбуз.

Ношусь, кручусь, верчусь, а сам думаю: вот было бы здорово, если бы, пока я обед готовлю, двенадцать полярников спали или книжки чита-

ли. Говорят, когда ведёшь спокойный образ жизни, аппетита нет вовсе. Придут, знаете, такие полусонные типы, вяло поковыряют в миске ложкой, скажут спасибо и — дальше спать. Но судьба ко мне неблагосклонна. Мои «иждивенцы» собирают сейчас домики, перетаскивают трактором грузы туда, где будет основной посёлок станции, разгружают уже третий за день самолёт. А в перекур даже не присядут — есть пока что не на что. Аппетит, понимаете ли, нагуливают.

В 13.45 пришёл Сидоров.

— Ну, как у нас с обедом? Чем нас побалуешь?

Я хотел высказать ему всё, что у меня было на душе, но вместо этого просто буркнул:

— Можно звать! — снял с вешалки ракетницу, зарядил её красным патроном и выпалил.

Ракета дугой мелькнула в воздухе, и мигом явившийся механик Володя Гульнев удивлённо спросил:

— Ты что даёшь перед обедом красную ракету? Ведь красная значит — внимание, опасность.

— Посмеёшься — без еды оставлю, — только и сказал я ему.

...И всё-таки начальник станции Сидоров — золотой души человек. Когда все уселись, он сказал:

— Товарищи! Сегодня у нас торжественный день. Мы впервые обедаем на новом камбузе, и впервые нам готовил обед не повар, а журналист, специально освобождённый от других работ. Я предлагаю это событие отметить... благодарностью ему и аплодисментами.

Дальше я хочу вам сообщить, что все восхищались моими поварскими способностями, говорили, что я готовлю не хуже, чем в ресторане «Прибалтийский», и что как только на СП-25 будет смонтирована радиостанция и мы выйдем в эфир, полярники с грифом «весьма срочно» пошлют в редакцию радиogramму следующего содержания: «Считаем, что нецелесообразно использовать выдающегося повара т. Стругацкого в качестве журналиста, а на освобож-

дѣнное им вакантное место берите кого угодно».

Клеймо «Аргентина» кто-то проглотил, даже не заметив. Все восхищались вкусом приготовленного мной блюда, а такой рассыпчатой картошки, говорили они, не ели с детства.

В конце обеда я сказал, что готов пребывать на посту повара до тех пор, пока они сочтут нужным.

...Когда все разошлись, я стал жевать свою порцию и с каждой ложкой всё больше убеждался в том, что полярники действительно мужественные люди. Жить на льдине, готовый в любой миг треснуть под твоими ногами, переносить все лишения и морозы — всё это ерунда, пустяк. Вот если они способны были съесть всё, что я натворил, — они герои.

Но я опять был один, наедине с грудой грязной посуды и с перспективой ужина, назначенного на 19.00.

Снова бегал я за снегом, кипятил воду, намывал посуду, чистил картошку, скрёб ведро, дно которого за время готовки обеда стало толще сантиметров на десять... И только присел — как явился Сидоров и сказал, что надо давать сигнал на ужин, что все уже голодные, как волки.

Я взял ракетницу и вышел на крыльцо.

Я стоял в раздумье. Что делать? Если стрелять в воздух, то тогда и секунды не пройдёт, как все двенадцать полярников примчатся с такой скоростью, будто они ставят мировой рекорд по бегу. А может быть, мне всё же попытаться покончить счёты с жизнью? Иначе завтра утром мне снова выходить на корриду с быком, мыть полы и посуду и сносить шутки двенадцати не разгневанных, но очень обжорливых мужчин.

И всё-таки я выстрелил в воздух. Правда, опять красной ракетой.

Рис. В. Топкова

УЧИТЕСЬ СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

(К рисункам на 2-й странице обложки)

Сегодня «Наш вернисаж» вновь показывает детские рисунки. И не случайно. Небольшая заметка о жизни городской ленинградской художественной школы на канале Грибоедова, напечатанная в январском номере журнала, получила быстрый, горячий отклик: в школе открыт конкурс на лучшие рисунки для «Искорки».

Итоги конкурса будут опубликованы в других, ближайших номерах журнала, а сегодня мы показываем две работы, сделанные ещё в прошлом году. Нас

привлекло в них внимание ребят к трудовой и общественной жизни города. Наш собеседник — Георгий Николаевич Антонов, заслуженный работник культуры РСФСР. Он работает в школе с 1947 года, и вот уже более 20 лет — её директор.

- Георгий Николаевич, трудно учить детей рисованию!
- Нелегко. Причём самое трудное — научить ребят смотреть и видеть...
- Как, разве человеку не достаточно умения видеть, данного ему природой!
- Художнику этого не достаточно. Художник должен уметь увидеть главное и отделить его от случайного, второстепенного, вторичного... Этому мы учим наших ребят всегда и везде. И на этюдах в парке, и при зарисовках на улицах, на стройках, на заводе... Они, ребята, наблюдают и рисуют; мы, преподаватели, анализируем их работы вместе с ними и отбираем лучшие. То, что вы рассматриваете сейчас, — результат большой каждодневной работы. Её итог.
- Георгий Николаевич, а какую конкурсную тему предложили вы своим ученикам для мартовской «Искорки»!
- Безусловно, тему нашего прекрасного праздника — дня 8 Марта.
- Будем ждать этих работ с нетерпением!

Кто не знает о врагах Пушкина: от самых могущественных — венценосных и санных до светских и литературных мелких пакостников, мешавших великому поэту жить и творить!

Но судьба не обделила Александра Сергеевича и друзьями. Дружба для Пушкина всегда была священна, и он, как никто, умел её ценить. Дельвиг, Плетнёв, Нащокин, Чаадаев, Вяземский... С любовью и благодарностью вспоминаем мы теперь эти имена.

И совершенно особое место среди людей, близких Пушкину, занимает Василий Андреевич Жуковский. «Победителю ученику от побеждённого учителя» — с восхищением и без тени ревности написал он на своём портрете, подаренном «Сверчку» — Пушкину — ещё в 1820 году. И где бы ни жил Пушкин потом, портрет учителя был неизменной принадлежностью его рабочего кабинета. И в Михайловском висел этот портрет над пушкинским столом, и в Царском Селе, где друзья-поэты работали по соседству, и в кабинете на Мойке, где Василий Андреевич, потрясённый горем, в одиночестве сидел в изголовье умершего Пушкина, в последний раз вглядываясь в дорогие черты...

Верный своим традициям — отмечать важнейшие вехи в жизни и творчестве А. С. Пушкина — наш журнал в годовщину со дня гибели поэта печатает два стихотворения Олега Тарутина. Они о взаимоотношениях Пушкина и Жуковского.

Олег ТАРУТИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СВЕРЧКЕ

«Быть Сверчку орлом и долететь ему до солнца...»

Из письма Жуковского Пушкину

...Канделябры оплывают воском.
Моноotonно маятник стучит.
Во дворцовом флигеле Жуковский
переводит Шиллера в ночи.
Тишина. На лад идёт баллада,
уж стихи по-русски говорят,
как герой за славу и награду
гибнет в бездне

прихотью царя.
Корифей поэзии Жуковский
за труды приближен ко двору.
Но и здесь, в казённом этом лоске,
неизменно служит он добру.
Заступиться — нет его скорее,
поручиться, отвести беду...
О себе ж самом Василь Андреич
вспоминает, может, раз в году.

...Маятник раскачивает время.
Бьют часы. Поэт перо грызёт.
«Ах, какой бык шиллеровской теме
мой Сверчок придумал поворот!
Он и сам нырял в такие бездны,
на такие кручи восходил!..
Но ведь это —

гениям полезно,
коли бог бесстрашьем наградил.
Мой Сверчок,

кудрявый победитель,
помнишь, как предсказывал учитель,

что лететь тебе за облака?
Вот и напороочил на века!
Видеть бы тебя всегда счастливым...
Понимаю, брат, что мудрено...
Вот пустил бы царь тебя в архивы...
Упрошу. Заставлю всё равно!
Я ведь царедворец не таковский,
что —
молчком,

бочком или волчком...»
И пока на свете есть Жуковский,
будет царь считаться со Сверчком!

«Тяжело дышать... Давит...»

Последние слова Пушкина

«Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе

Руки свои опустив. Голову тихо склоня...

...Долго стоял я над ним...»

Из стихотворения В. Жуковского
«А. С. Пушкин»

Не давит уже, и тоской не палит,
смертельная рана уже не болит —
уходит в бессмертие гений.
Вся боль и тоска остаётся живым,
друзьям, затаившим дыханье над ним
в последнее это мгновенье.

Потом покидают друзья кабинет.
И книги, и книги глядят им вослед.
(И с ними простился он тоже...)
Теперь остаётся Жуковский один,
всё так же ладони скрестив на груди,
стоит он у смертного ложа.

И смотрит он пристально в эти черты.
А в них — отраженье такой высоты,
такого прозренья и силы,
что страшно подумать (на горле — петля!):
кого же сегодня лишилась земля,
кого потеряла Россия...

Он смотрит, не в силах глаза отвести.
И Вяземский входит:

— Жуковский, прости...

Жуковский в ответ ему:

— После... —

А в доме — убитая горем вдова,
а к дому жандарм протолкнулся едва,
и рапорт царю не отослан.

Слова утешенья найдёт он потом,
потом он доложит

и вспомнит о том,

что нынче — его день рожденья,
потом эту дверь запечатает он,
потом Бенкендорфу напишет, взбешён,
на тему «жандармы и гений».

Всё это — потом. Не теперь. Не сейчас.
Сейчас — только Пушкин, и он, и свеча...
И смотрит Василий Андреич,
горюя, старея, мудрея...

Рис. А. Ивашенцевой
и Л. Уральской

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. Ю. ШАБАНОВА

Академии наук — механик

ДОМ АКАДЕМИКОВ

Другого такого дома в Ленинграде нет — на его стенах двадцать шесть мемориальных досок. На фасаде они в один ряд не поместились, их повесили в два ряда, друг над другом...

В предвоенные годы я жил недалеко от этого дома, стоящего на углу набережной Лейтенанта Шмидта и 7-й линии Васильевского острова. Каждый раз, проходя мимо, непременно читал: «Великий русский физиолог Иван Петрович Павлов», «Александр Николаевич Карпинский... Отец русской геологии», «Пафнутий Львович Чебышев. Знаменитый математик...».

Здесь они жили, здесь и работали...

Например, академик Василий Владимирович Петров, открывший электрическую дугу, опыты проводил прямо в своей квартире. И первый в городе «молниеотвод» на крыше дома — тоже его рук дело. И Борис Семёнович Якоби здесь, в своей квартире, построил электромотор, питающийся от гальванических батарей. Довелось потом петербуржцам удивляться, когда видели они, как плывёт вверх по Неве восьмивёсельный катер — без гребцов, без паровой машины — да ещё четырнадцать пассажиров везёт.

Жил в этом доме ещё и зоолог Михаил Адамович Адамс, мемориальной доской, к сожалению, не отмеченный. Путешествуя по Сибири, он прослышал, что невдалеке от устья Лены охотники нашли останки какого-то невиданного зверя. Тунгусы проводили его к тем местам, и вот на берега Невы был доставлен разобранный на части огромный скелет мамонта с остатками шкуры. Прямо здесь, во дворе «дома академиков», Михаил Адамович и принялся его собирать. И собрал! Хлынули на Васильевский остров толпы любопытных! Даже царь Александр I не удержался — пожаловал посмотреть.

Знаменитый этот дом с четырьмя колоннами дорического портика был построен в 1808—1809 годах по проекту создателя Адмиралтейства А. Д. Захарова его учеником А. Г. Баженовым. Но будем точны, не построен был дом, а реконструирован. История здания началась в более далёкие времена. Об этом ещё пойдёт речь, а я, мальчишкой, проходя мимо него и прочитывая подряд все мемориальные доски, помню, огорчался, считая, что и ещё одной доски не хватает. И сам придумывал текст для неё. Примерно такой: «На месте этого дома в конце XVIII века находились мастерские Академии наук, которыми заведовал знаменитый механик-самоучка Иван Петрович Ку-

либин». Помню, никак у меня не получалось вставить в эту фразу сообщение о том, что Кулибин не только «заведовал мастерскими», но и жил при этих мастерских. А совсем уж недавно из прочитанной книги я узнал, что окна его квартиры выходили на Неву.

Приехал сюда Кулибин с Волги, из Нижнего Новгорода. Конечно, как всякий волжанин, считал он, что лучше Волги на свете реки нет и быть не может. Но видимо, и Нева Кулибину понравилась, как говорится — «и Волги не уже, и водица не хуже!». Был Кулибин человеком любознательным и у соседей-старожилов поинтересовался: кто строил дом под академические мастерские, кто раньше в нём проживал. Узнал, что царь Пётр I повелел всем дворянам и «купецким людям» строить «на Васильевском острову» каменные дома. «Ослушникам» грозил карами. На этом месте досталось строить генералу Волкову, приближённому князя А. Д. Меншикова. А по соседству принялся возводить дом подрядчик Лутковский. Но ни тот, ни другой домов своих не достроили. Умер Пётр I, и генерал Волков тут же продал свой дом государственной казне. Лутковского уличили в воровстве и дом тоже в казну отобрали. Оба дома передали только что, в 1724 году, основанной Академии наук. К середине века архитектор С. И. Чевакинский два этих дома соединил под одну крышу. Поселились тут российские академики и академические служащие. Одно время здесь помещалась часть типографии Академии наук. Вскоре типография выехала на угол 9-й линии и Большого проспекта, а на смену ей пришли академические мастерские.

Вот тогда-то и появился здесь нижегородец Иван Кулибин.

НИЖЕГОРОДЕЦ

Иван Кулибин был переведён в Петербург по приказу императрицы.

В Нижнем Новгороде, что вознёс свой кремль высоко над Волгой, а по косогорам разбросал деревянные домишки, о мещанском сыне Иване Кулибине горожане были наслышаны. Ещё мальчишкой удивлял он соседей: то простым ножичком игрушку смастерит, то флюгер вырежет, то на весеннем ручье соорудит водяное колесо — оно словно живое целый день работает, крутится.

Восемнадцать лет было Ивану Кулибину, когда увидел он дивное: часы!.. Они висели на стене в доме купца Микулина. В положенное время отворялась на них дверца, выскакивала оттуда кукушка и куковала столько раз, сколько показывали стрелки. Сна лишился Иван — так хотелось сделать такие же! Упросил купца дать ему часы на время, чтобы механизм рассмотреть. Разобрал диковинку. Изучил. Вырезал все детали перочинным ножичком. Потом собрал свои часы и купеческие тоже. Купеческие идут, его молчат. И посоветоваться не с кем. В те времена в Нижнем Новгороде ни одного часовщика не было. Поехал он в Москву. Вернулся оттуда с резальной машиной, маленьким лучковым токарным станочком, со свёрлами и зубилами.

Закуковала кукушка и на его часах.

Пошли по городу разговоры о парне, что выучился «хитрому ремеслу», которое раньше под силу было только «немцам». Так и появился в Нижнем Новгороде первый часовщик.

Конечно, в его мастерство не вдруг поверили. Случилось так, что поломались часы у самого губернатора. Дорогие часы, с «репетицией». То есть такие, которые не только время показывали, но сопровождали каждый час музыкой. Кто их починит? В Москву везти надо...

Подсказали губернатору, что есть-де и в Нижнем часовой мастер. Иваном Кулибиным зовут. Рассмеялся губернатор — виданное ли дело, чтобы человек, который грамоте у дьячка по псалтырю выучился, мог такой ремонт произвести! Велел часы в чулане спрятать.

А был у губернатора слуга, который в своего земляка верил. Он потихоньку и отнёс Кулибину часы с «репетицией». А тот починил их!

Тут уж пришло время удивляться губернатору, а за ним и всей городской знати.

А вскоре пришли к нижегородцам новые заботы: было оповещено, что императрица Екатерина II желает посетить приволжские города, а посему приказано было «готовиться ко встрече со всем старанием».

Здесь нам придётся включить в рассказ ещё одно действующее лицо — купца Костромина. Был он богат и хитёр. Решил он, что настал его час, что должен он перед императрицей отличиться и из всех купцов чем-то выделиться. Знал Костромин, что любит Екатерина похвастаться своим покровительством наукам. Почему бы и Костромину свою заботу о науке не показать?

Купец Костромин был знаком с Кулибиным. Кроме того знал купец, что задумал Кулибин создать невиданные доселе часы. «Видом и величиною между гусиным и утиным яйцом». В золочёной оправе. Должны они были отбивать часы, половины и четверти часа. На исходе каждого часа в том «яйце» должны были открываться створчатые двери и представлять зрителям золочёный «чертог», а в «чертоге» том уже разыгрывалось целое представление с участием воинов, «жён-мироносиц» и ангелов. И представление это должно было сопровождаться музыкой и колокольным звоном.

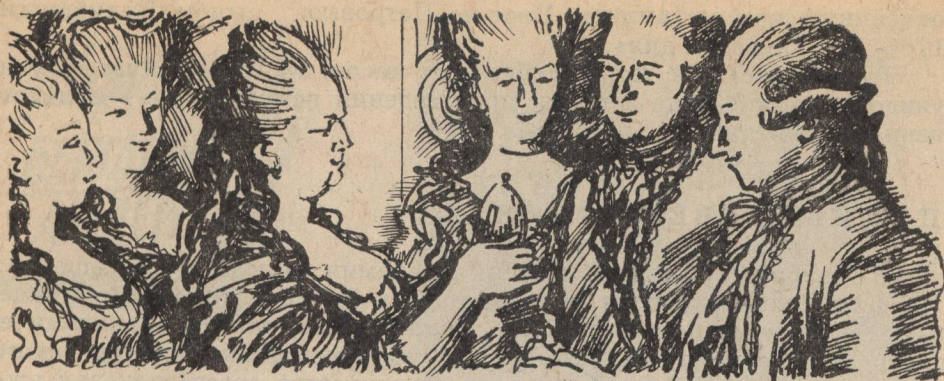
Купец Костромин предложил мастеру: закрывай свою мастерскую, перебирайся с семьёй в моё село Подновье и делай свои часы! Прокормлю и на нужные материалы денег дам, только ты уж не подведи, сотвори чудо!

Так бы всё и шло своим чередом, да тут попались на глаза Кулибину другие диковинки, привезённые из Москвы: электрическая машина, телескоп, микроскоп и подзорная труба.

Увидел их Кулибин — и про часы свои забыл! Захотелось такие же сделать.

С электрической машиной справился быстро. Всё разглядел, нужные детали сделал — и машина заработала. А с микроскопом и телескопом дело застопорилось... Где стёкла взять? Негде... Сделать самому — так нужны литейные и шлифовальные приборы. Или, к

примеру, зеркала для телескопа. Секрет их только англичане знали и от всего мира прятали.

Позже, уже в старости, Кулибин напишет: «По случаю получил я для просмотра телескоп с металлическими зеркалами английской работы, который, разобрав, как в стёклах, так и в зеркалах стал искать солнцу зажигательные точки... Потом стал делать опыты, как бы против того сотворить металл в пропорции, а когда твердостью и белостью стал он у меня выходить на оный сходственен, то из того по образцу налил я зеркала...»

Такое нам сейчас и представить трудно! Сделать телескоп ровным счётом из ничего! Для этого самому изготовить нужные инструменты, самому изобрести приборы нужные, безо всяких лабораторий открыть секрет металла! Одна задача цеплялась за другую, одна загадка приводила к другой.

И все задачи Кулибин решил! И не один, а два телескопа сделал. На чертеже одного из них записал даже, что из «оного гляжено было из Нижнего на Балахну».

Потом уже и микроскоп сделал.

Можно было возвращаться к часам. Тысячи мельчайших деталек ждали его рук. Да и Костромин поторапливал. И к прибытию императрицы удивительные часы были готовы. Костромин уговорил губернатора, чтобы тот нашёл случай показать их царице. А сам снова — к Кулибину:

— Придётся, Иван Петрович, тебе писать оду торжественную в честь приезда августейшей императрицы нашей!

Никогда до этого Кулибин стихов не писал. Но коли надо... Сел сочинять оду. Появились на листе строчки:

*Егда под небом орёл летает,
Любезно к детям всегда взирает,
С высот слетевши, крылы простерши,
Всех покрывает...*

Не без робости прочитал он свои вирши императрице.

И не без интереса разглядывала Екатерина II необыкновенные часы. Повелела и часы, и машину электрическую, и микроскоп с телескопом — всё отослать в кунсткамеру, как «необыкновенные памятники искусства», а самого мастера повелела переселить в Санкт-Петербург.

Не прогадал и купец Костромин: его императрица одарила тысячей рублей и серебряной кружкой со своим портретом и надписью: «Екатерина II, императрица и самодержица всероссийская, жалует сию кружку Михаилу Андрееву, сыну Костромину за добродетель его,

оказанную над механиком Иваном Петровым, сыном Кулибиным, 1769 года апреля 1 дня».

Что же касается тех кулибинских часов, то их и сейчас можно увидеть в хранилище великих произведений искусств — в Государственном Эрмитаже.

ПЛАНЫ И СВЕРШЕНИЯ

23 декабря 1769 года Комиссия Академии наук вынесла решение: «Для лучшего успеха находящихся в Волкове доме и от Академии Наук зависящих художеств и мастерств принять в академическую службу на приложенных при сем кондициях нижегородского посадского Ивана Кулибина, который искусства своего показал уже опыты, и привести его к присяге».

Кондиции же, то есть условия, которые принял на себя Кулибин, поселяясь в доме Волкова, были немалые. Ему вменялось в обязанность:

«1. Иметь главное смотрение над инструментальною, слесарною, токарною, столярною и над той палатою, где делаются оптические инструменты...

2. Делать нескрытое показание академическим художникам во всём том, в чём он сам искусен (то есть учить других мастерству).

3. Чистить и починивать астрономические и другие при Академии находящиеся часы, телескопы, зрительные трубы и другие, особливо физические инструменты от Комиссии ему присылаемые...»

И ещё, и ещё разные другие «кондиции»...

И понесли к нему академики разные поломанные приборы. Их было так много, что порою Кулибин не выдерживал и садился писать инструкции своим академикам, вроде «Описания, как содержать в порядочной силе электрическую машину».

К нему же в мастерскую тоже бумаги шли:

«Механику Кулибину дать ордер, чтобы он, отложив на время некоторые при инструментальной палате дела, которые не столь нужны и терпят медлительность, приложил бы старание о сделании как наискорее требуемых г. майором Пеленьевым для экспедиции его двух астролябий с трубами и двух медных землемерных цепей...»

«Механику Кулибину приказать, чтобы он выбрал из находящихся в книжной лавке продажные термометры и барометры... назначенные от Академии в подарок его превосходительству Иркутскому губернатору Брилю, и, уложив их, отправил бы по назначению...»

Нет, не ценили академики великого механика-самоучку, смотрели на него свысока, только повелевали да приказывали. Да и то сказать — академики-то были всё больше иностранные, не было у них веры в русского мастерового. Один только математик Леонард Эйлер относился к нему с уважением, защищал от нападок.

(Окончание следует)

Николай Степанович Сорокин с учащимися технического училища № 14.

Сегодня мы предоставляем слово старейшему корабелу Балтийского завода Николаю Степановичу Сорокину.

Николаю Степановичу пошёл уже девятый десяток, но он работает на заводе и по сей день, начиная с 1922 года. Его рабочий стаж — 63 года! Причём все эти годы он проработал в одном и том же цехе.

Николай Степанович принимал участие в строительстве всех кораблей, которые были спущены со стапелей Балтийского, в том числе и всех атомодов.

Н. С. Сорокин — коммунист Ленинского призыва, член партии с 1924 года, и бригадир первой в Ленинграде комсомольско-молодёжной бригады.

Сейчас на Балтийском заводе работает целая династия Сорокиных. Сын Николая Степановича Юрий — мастер, другой сын, Георгий, — бригадир. Работают на Балтийском заводе и внуки Н. С. Сорокина.

Николай СОРОКИН

ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Никогда не забыть мне тот февральский день сорок третьего года.

Шла вторая ленинградская блокадная зима. Я работал на Балтийском заводе. Был поставлен руководить сборкой миномётов. А кем руководить-то?! Одни женщины, которые до того и не слыхивали о подобной работе. Да ещё совсем ребяташки, так на них даже глядеть больно. Им бы в пионерском лагере под барабан шагать «по долинам и по взгорьям...», а они — на сборке оружия... Времени всегда в обрез. Круглые сутки мотаешься. Где приткнёшься, там и заснёшь! И вдруг звонок из заводского парткома: иди, говорят, Николай Степанович, к нам, срочное тебе партийное задание. От райкома...

Какое-такое, думаю, ещё партийное поручение в подобной обстановке? Нас тут агитировать не-

зачем. Каждый понимает главную суть политики, она в словах: «Всё для фронта!»

Но, конечно же, иду в партком, а секретарь чуть ли не с порога: так, мол, и так, Николай Степанович, вот телефонограмма из райкома партии. Прочти. Хлебозавод, который на Косой линии, наш сосед, с минуты на минуту может совсем остановиться. Вышла из строя техника, необходима срочная помощь.

— Но ведь я ни разу в жизни хлебопекарной техники в глаза не видел, — говорю.

— Это не резон, — говорят мне. — Снаряды тоже никогда не видел, а ведь выпуск их наладил. Так?

— Ну, так...

— С миномётами тоже дела не имел, а их сборку освоил?

— Так война ведь. В войну боевое оружие освоишь.

— Ну, — говорят, — а хлеб — это тоже оружие. Без хлеба много не навоюешь... Так что это тебе партийное поручение государственной важности. И справиться ты обязан!

...В сущности, и расстояние надо было пройти небольшое — с одного конца Косой линии Васильевского острова на другой. Но шёл я долго. В одной руке — облупленный чемоданчик со слесарным инструментом, другой рукой — хватаюсь то за стену дома, то за забор. Да ещё пурга разыгралась не на шутку... Ну, думаю, не доберусь я до места, заметёт меня, и хлебозавод остановится...

Но всё-таки добрался!

Увидел старенькую вахтёршу в проходной завода, укутанную чуть ли не до самых бровей каким-то одеялом и платками. Она сразу преградила собою путь.

— Кто, куда и откуда?

Ей, бедняге, тоже доставалось. Да ещё как! Тут тебе и обстрелы, и бомбёжки, и пожары, а ей, что ни случись, — стоять на посту. Хлебозаводы в блокаду были военными объектами. И фашисты держали их на прицеле. Знали, гады, что

от хлеба, пусть пополам с отрубями и молотой корой, зависела жизнь тысяч людей.

— Вы кто? Вам куда? К кому? — И для большей остротки вахтёрша положила руку на пустую кобур, болтавшуюся у неё на ремне.

Я невольно рассмеялся.

— Дед Мороз, — говорю. — Разве не видишь?

Вахтёрша насупилась:

— Брось шутки шутить. Предъявляй документ. А то знаешь...

— Знаю, — примирительно сказал я, расстегнул ватник, снял рукавицы, попытался достать документы из внутреннего кармана пиджака, но пальцы плохо слушались — то ли замёрзли, то ли опухли. Я пытался согреть их, дул на них, разминал, тёр одну ладонь о другую.

— А я вот сейчас позвоню куда следует...

— Вот, вот, это идея, — говорю я. — Позвони, милая, пусть встретят. Скажи, пришёл, дескать, человек с Балтийского на подмогу. Райком партии направил...

Вахтёрша секунду-другую пораздумала и куда-то там позвонила. Всё передала.

Через несколько минут в проходной появился невысокий, слегка прихрамывающий человек в очках.

С минуту мы молча и пристально, но со всё нарастающим удивлением осматривали друг друга, что-то вспоминая и всё-таки не веря глазам своим.

— Вы... Сорокин?

— Ну да, Сорокин, а что?

— Николай?

— Николай... постой, постой, а ты... ты Володька будешь?

— Конечно. Ой, ёлки зелёные, надо же, как же я тебя сразу не признал?!

Мы обнялись на глазах ничего не понимающей вахтёрши и опять посмотрели друг на друга, как будто заново. Нам обоим явно взгрустнулось: мы были знакомы мальчишками, жили рядом, гоняли в футбол на одном дворе, потом работали неподалёку друг от друга, правда, на разных заводах, но всё на том же Васильевском острове, учились по вечерам. А встретились, и хотя оба были ещё сравнительно молоды, выглядели измученными и больными стариками. И в том ничего удивительного не было: блокада, голод, обстрелы; жизнь бок о бок со смертью каждый день, каждый час никого не красила...

— Вот как довелось нам встретиться... Правда, слышал я и даже читал в газетах, что ты специалистом стал у себя на Балтийском, но что именно тебя пошлют на ручку нашему хлебозаводу — и в

голову не могло прийти... Ты понимаешь, у нас в цеху...

Мы шли по заваленному снегом заводскому двору и поддерживали друг друга. Главный механик хлебозавода, хоть и работал на «хлебном» месте, тоже плохо держался на ногах.

— Вспоминаю я сейчас ту пору, — говорил он, — когда пацанами мы с тобой по двору бегали. Ты был в нашей компании самым серьёзным. Заберёшься в сарай, куда старые матрацы выкидывали, снимешь ржавые пружины, растягиваешь их, перегибаешь. И неожиданно в твоих руках те пружины превращались в какие-то катапульты, стрелы и всякую всячину, которую мы брали «на вооружение», когда затевали игру в казаки-разбойники. Помнишь? Недаром ещё кличка у тебя была в школе «Колька-Архимед». Значит, не зря прозвали.

— Ладно, — говорю, — чего уж там вспоминать, с детства тысяча лет прошла. Давай поглядим скорее на твоё хозяйство, может, удастся разобраться и понять, что к чему.

Пришли в цех. Главный механик объясняет:

— Вышли из строя электромоторы. Чинить некому. Кто бы это сумел — на фронте. Те, кого не взяли на фронт, свалились от дистрофии. Мне самому во всём не разобраться, сам понимаешь, да к тому же кузница не работает. Вышел из строя горн. Да и станки в мас-

терской — одни «инвалиды», их давно бы списать да выбросить, если бы не война... Людей нет.

— Как это нет! — воскликнул я. — Мы-то с тобой пока ещё живы и к ангелам не собираемся. Пошли, пошли в кузницу. Может, что и наколдуем...

— А ты и по кузнечной части разбираешься?

— Ну, не профессор. Однако на заре туманной юности, случалось, держал и кувалду в руках.

В маленькой кузнице на заснеженном земляном полу валялись чёрные обрубки железа, забытые у наковальни длинные клещи. А главное — бездействовал горн. Поддувало, как я ни старался, не подавало никаких признаков жизни.

— Вот видишь, — безнадежно развёл руками Володька. — Что делать, ума не приложу.

— «Ума не приложу», — повторил я, но уже с другой интонацией. — В том-то и фокус, что надо приложить ум.

...Осторожно, на свой страх и риск, разобрал мотор. Обнаружил, что вконец изношены бронзовые втулки. Решил: надо выточить новые. А где взять бронзу? Под ногами не валяется. На хлебозаводе её нет. Иной бы, может, и рассудил: на нет и суда нет. Но ведь у меня, у Сорокина, особое партийное поручение.

И опять поплёлся на Балтийский завод. Добрёл. Бронза — металл строго дефицитный. И мне посоветовали попробовать другой сплав, сходный с бронзой. Его можно было достать.

Достал... Выточил... Отфрезеровал... Отшлифовал...

И опять я на хлебозаводе — проверяю, прилаживаю, пробуя запустить...

И тут вдруг потерял сознание. Голодный обморок!.. Когда пришёл в себя, не сразу сообразил, где я и что со мной, и кто эти люди, что помогают мне подняться...

Но вдруг слышу — рядом что-то гудит, и гудит, как мне кажется, весело. И сразу всё вспомнил.

Ведь это мотор заработал!

Хотелось и мне вместе со всеми кричать «ура», хлопать в ладоши, но на это просто сил не было.

...В нарушение всех правил приказом по хлебозаводу меня премировали драгоценнейшим в ту пору подарком: двумя буханками свежего, горячего хлеба.

Вручили мне их в проходной, к крайнему изумлению всегда настрожённой вахтёрши.

И я пошёл прямо в цех, к себе на Балтийский. Больше мне идти было некуда. Шёл — и не чувствовал ни обжигающего морозом ветра, дувшего с Невы, ни воя сирен, предупреждающих об очередной тревоге. Уже было поздно, но у меня, как у человека, связанного с изготовлением оружия и испытаниями его на полигонах, был особый пропуск на право ходить по осаждённому городу в любое время.

В цехе было тихо, люди уже спали, примостившись кто где, сражённые неимоверной усталостью после двенадцати часов яростной работы.

Я снял телефонную трубку в конторке мастера, позвонил в партком (там дежурили круглосуточно) и доложил, что партийное поручение выполнено.

Потом, преодолевая страшное желание спать, аккуратно разрезал буханки на крохотные ломтики — чтобы хватило всем членам моей бригады.

Так за этим занятием и уснул.

Записал А. Итигин.

Рис. В. Орлова

Михаил КОНОНОВ

Главная награда

Однажды, когда мой дед, полковник в отставке, готовясь ко Дню Победы, начищал на своём парадном мундире ордена и медали, я подошёл к нему и спросил:

— Дедушка! А почему у тебя простая медаль «За храбрость» приколота выше всех орденов? Ведь так не положено!

— Много вы, молодые, знаете, как положено! — рассердился дед. — Выше — значит выше. И — точка. Может, она мне по-особому дорога? Откуда ты знаешь?

— Откуда же я узнаю, если ты не рассказываешь?

Дед отложил суконку, которой надраивал ордена, и рассказал мне эту историю.

...Был он совсем молодым солдатом и воевал на германском фронте. Нет, не в Отечественную войну, а за тридцать лет до неё, в первую мировую. Отличился он в бою, вот и наградили моего молодого ещё тогда деда боевой солдатской медалью. Сам генерал, лично, принял эту медаль у адъютанта

и приколот солдату на грудь — одной левой рукой приколот. Дед мой, конечно, ни жив ни мёртв стоит от счастья, произносит положенные по Уставу слова, а сам всё генералу на грудь глядит, не может от неё глаз отвести. А когда вернулся в строй награждённых — шепнул соседу фельдфебелю:

— Заметил?.. У генерала-то на груди полмедали отгрызено... Только «ЗА ХРА...» осталось!..

— Пулей, должно, садануло, — кивает фельдфебель. — Генерал, видать, боевой, потому и рука правая перебита, на перевязи подвешена...

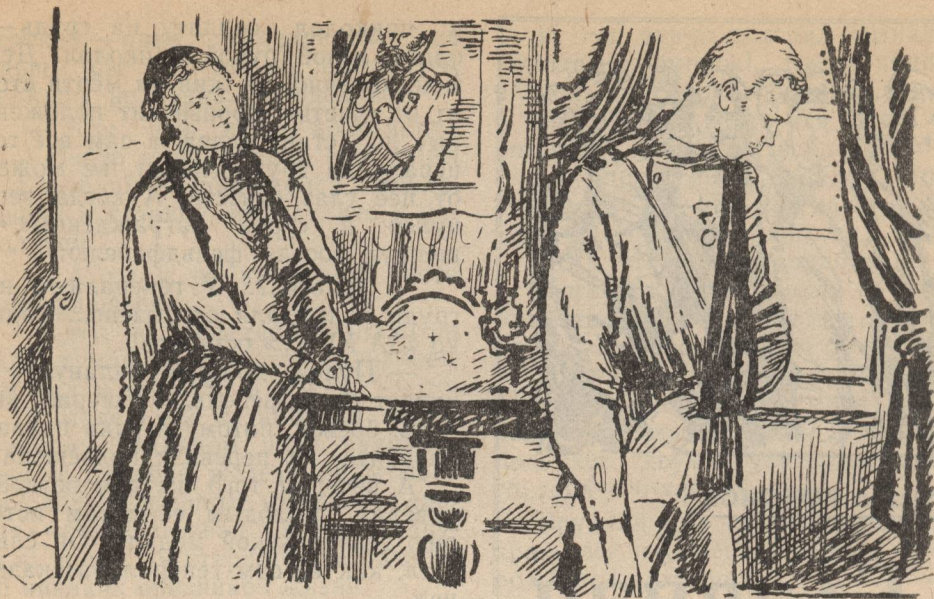
А вечером того же дня ветеран поведал молодым солдатам историю генеральской медали. Он слышал, как её сам генерал рассказывал.

В пору своей молодости, когда он, нынешний генерал, ещё только-только был произведён в подпрапорщики, служил он в одном из полков, что помогали Болгарии освободиться от захватчиков-турок. Особенно долгие кровопролитные бои шли под крепостью Шипкой. Там молодой офицер был ранен в руку и получил за храбрость свою первую награду — медаль. На поправку он поехал домой, к родителям.

— Расскажи, сын, за что тебя царь наградил, — просит его отец.

— Что ж, расскажу, — говорит сын. — Раз повёл я солдат в штыковую атаку. А кругом взрывы гремят, пули свистят. Поднял я саблю повыше и бегу на Шипку впереди всех. Страшно-то мне стало потом, когда всё кончилось и увидел я, что рука у меня болтается, как мёртвая. А тогда, в бою, мне хотелось одного — поскорей столкнуться лицом к лицу с врагом. И всё время я помнил, что со мной, у меня на груди, портрет моего деда-героя. Знал: испугаюсь — стыдно мне будет. А кое-кто из моих солдат испугался. Молодой солдатик Нефёдов, например. Вот он бежит. Потом смотрю — упал. Ранен? Нет. Лежит и ждёт, когда пули свистеть перестанут. Подбежал я к Нефёдову,

схватил его за ремень — поднял с земли. Он тогда покраснел от стыда и побежал вперёд. Изю всех сил. Потом снова упал. Думал я, что Нефёдов снова струсил. Догнал, наклонился к нему, а он — ранен. Стонет, просит меня: «Не бросайте меня, ваше благородие! Не оставляйте врагу — помру я в плену...» Поднял я его на плечи и понёс к санитарной повозке. А потом вернулся к своим солдатам — и снова в атаку. Неприятель дрогнул и отступил под стены крепости. Вот за этот бой меня и представили к награде. Сам генерал вручал мне медаль. «Молодец, — говорит, — орёл! Так и нужно: сам погибай, а товарища выручай!...»

Выслушал отец эту историю, усмехнулся, встал и ушёл к себе. Только предупредил хмуро:

— Пусть мне чай в кабинет принесут.

А сын, оставшись один, сорвал медаль с груди и бросил её на пол.

Вошла в комнату мать, улыбается: ей-то сын сказку свою молодецкую ещё вчера рассказал, прямо с порога. Тут стыдно ему стало, что медаль на пол бросил. Поднял он награду, поцеловал незаметно для матери и снова на грудь приколол.

А мать ему и говорит:

— Не надо бояться правды, сынок. Кто хоть раз не был трусом — не станет и героем. Ты у нас с детства страха не знал — так мы тебя воспитали, всё спешили сделать тебя отважным солдатом. Расскажи, как ты мне всю правду. Помнишь, как в детстве писал в тетради: «Мама, Папа, Отечество, Правда»... Я сама водила твоей рукой — мне, матери, и за страх твой ответ держать перед Отечеством, раз уж Правду любить не научила...

И рассказал сын правду.

Как попал он в плен к врагу. Как мучился вместе с солдатом Нефёдовым в тёмном погребе — раненый, три дня без пищи, с одним на двоих запасом воды в солдатской фляжке. Рассказал, как водили его на допрос под конвоем. Раз повели ночью... И Нефёдова вместе с ним... «Ты — заднего, я — переднего!» — шепнул ему храбрый Нефёдов и сразу же бросился на конвойного, что впереди шёл. Сам же он чуть замешкался — рука перебитая подвела, — и второй конвоир успел ранить Нефёдова в спину.

— Тут уж я не знаю, матушка, откуда силы взялись. Навалился на врага — и одной здоровой рукой его и задавил...

Как дошёл сын в своём рассказе до этого места, — задрожали его плечи, упал он перед матерью, лицом ей в колени уткнулся и заплакал.

Погладила мать сына по голове, говорит:

— Ну, а дальше-то? Нефёдов тебя до русских траншей тащил — или ты сам дошёл? Только правду скажи, сынок, не бойся. Война — не забава, с дедом твоим и не такое случалось. И в плену побывал, как ты. И смерти глядел в лицо — да не пугнулся. И солдаты его не раз выручали...

Опять сын слёз не сдержал. А когда успокоился, поклонился матери до земли и сказал:

— Спасибо, мама. Теперь я знаю: ты мне поверишь. Это я Нефёдова нёс. Прости же мне прежнюю ложь и трусость.

— Да как же тащил ты его, с одной-то рукой? — удивляется мать. — Ведь это же настоящий подвиг!

— Какой это подвиг! — отмахнулся сын. — Что он весил-то, мальчишка-солдат, да после трёх дней голодовки в плену...

— Но ведь и ты слаб. Да и раненый...

— Мне тогда дедов портрет помог, — улыбнулся сын. — А ещё — умножение. Помнишь, матушка, как ты учила меня цифири? Вот я тащу его на плечах и твержу потихоньку: «Одиножды один — один... Одиножды два — два... Одиножды десять — сто!» Да как припущу бегом! Тихим шагом, по правде сказать, не донёс бы. Там, в темноте, версты две было, да всё по кочкам-колдобинам. Но я успел.

Не умер Нефёдов... Одного не пойму: за что такая несправедливость? Мне медаль дали, а ему, рядовому солдату, не полагается. Оттого и солгал я сначала: не знал, как правду такую сказать...

Засмеялась мать, слезу смахнула.

— Одиножды десять — сто!.. Ты ведь и в детстве всегда торопился поскорее до ста добраться... Ну что ж, сынок, снимай свою дорогую награду...

Не знал сын, когда отдавал матери медаль, что она задумала.

А мать вышла во двор, прошла за каретный сарай в кузницу и приказала старому кузнецу рассечь медаль надвое.

Взял кузнец булатный топор да с одного маху и располовинил серебряный плоский кружок с гордым чеканным словом «За храбрость».

Вернулась мать в дом и приколотла сыну на грудь одну половину медали, а другую — положила ему на ладонь и наказала:

— Вернёшься, офицер, в полк, сразу найди солдата Нефёдова. Отдай честь по чести положенную ему награду да не забудь сказать: «От всех матерей России». Запомнил, сын? От всех матерей!

Склонил сын голову и поцеловал материнскую руку.

А мать благословила его старинным заветом:

— Береги честь смолоду.

...Вот что рассказал мне мой дед — солдат и офицер четырёх войн нашего беспокойного века. С первого своего боя умел он высоко ставить солдатскую честь. Выше медалей и орденов.

Рис. О. Филипенко

Четыре баллады о русских воинах

Виктор МАКСИМОВ

Баллада первая

ВЫБОР

*К холму крутому над рекой
подплыл однажды утром
далёкий предок твой и мой
в челне рыбацком утлом.*

*Он на высокий яр взошёл,
простор окинул взглядом:
вдали синел широкий дол,
родник струился рядом,*

*звенели птицами поля,
мерцали в травах росы,
и чёрною была земля,
и белыми берёзы.*

*Припал он к чаше родника,
отпил глоточек неба —
вода на вкус была сладка.
И прошептал он: «Лепо!*

*Душе светло! А посему
дозволь-ка, мать-землица,
и мне, и роду моему
вот здесь и поселиться!»*

*И стал он жить над той рекой,
растить детей и ржицу,
работать в поле день-деньской
и за полночь ложиться,*

*любить и дол, и лес, и луг,
загадывать желанья,
давать всему, что есть вокруг,
славянские названья,*

*пахать, рыбачить и строгать,
и мазать дёгтем оси,
и песни вольные слагать,
и петь их на покосе...*

*Вот так он жил да поживал,
как жил в то время каждый,*

*покуда враг не побывал
в его селе однажды.*

*Вернулся русский человек
с торгов из Киев-града —
лежал от сажки чёрный снег
там, где стояла хата,*

*дымились уголья в снегу...
И ни семьи, ни крова.
И отомстить за боль врагу
покаялся он сурово!*

*И, доброту сменив на гнев,
пошёл он туча-тучей,
пошёл, душой окаменев,
к Перуну в бор дремучий.*

*Средь ночи молнии, красны,
пронзали мрак морозный:
ковал славянский бог войны
оружье в кузне грозной.*

*Наш предок был не говорун,
он кратко рек и смело:
— Дай мне оружие, Перун,
на праведное дело!*

— Добро, герой! — сказал старик.
Взметнулся пламень красный,
ударил гром!..
Булат возник,
лишь сильному подвластный,

такой, что надвое расщеб
способен был Карпаты:
— Держи, боец, двуострый меч
для праведной расплаты!

— Добро! — ответил ратный бог.
Взмахнул десницей твёрдой —
блеснул холодный свет, клинок
возник в руке простёртой.

И так сказал Перун:
— Держи
лихую саблю, воин!
Воюй чужие рубежи!
Скачи по свету, волен!

Ищи себе иных равнин
в краях, где нету снега!
Бери, отважный славянин,
оружие набега!

Была у русича рука
Перуновой не уже.
Махнул он саблей:
— Нет, легка!
Другой булат мне нужен.

Чужой не надо мне земли.
За ту, что всех дороже,
за ту, где родичи легли,
хочу сразиться, боже!

Обиды мсти, на страже стой,
храни Отчизну, друже! —
И принял предок твой и мой
защитное оружие.

И меч пришёлся по руке!
Поклялся воин свято,
покаялся кровью на клинке
не посрамить булата!

Стоять, пока рука крепка,
там, где рубеж-граница,
чтоб из святого родника
враг не посмел напиться!

Рис. Л. Уральской

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРЬЕР

Весь прошлый год знакомили мы читателей «Искорки» с экономикой. Год закончился, напечатан последний рассказ, отосланы победителям конкурса призы. Мы простились с героями «Рассказов об экономике», но расстаться с предметом разговора — с экономикой — не можем. Те, кому не наскучили рассказы об экономике в прошлом году (а результаты подписки на «Искорку» говорят, что таких большинство), уже знают: этот нешкольный предмет изучается постоянно. Мы все занимаемся экономикой, все и всегда. Занимались до того, как узнали (может быть, из «Искорки»), что она такое, будем заниматься и после.

Тем более что экономика подвержена непрерывным изменениям. Особенно коренные перемены предстоят ей сейчас. XXVII съезд КПСС определит программу социально-экономического развития страны на ближайшее время. И, как отмечено в программных документах партии, осуществление основной задачи, стоящей перед нами на пороге третьего тысячелетия, потребует «глубоких сдвигов прежде всего в решающей сфере человеческой деятельности — экономике».

Страна — в преддверии коренных перемен. Нашим читателям надо знать, каких именно. Надо понимать, для чего они. Надо распознавать их в самых обыденных явлениях нашей жизни. Надо — потому что в начале третьего тысячелетия главную роль в экономике будете играть вы, сегодняшние наши читатели.

Вот почему мы вводим новую рубрику «Искорки» — «Экономический курьер». Для понимания вопросов, которые будут рассматриваться в «Экономическом курьере», вам понадобятся знания, полученные из «Рассказов об экономике». На открытие рубрики мы пригласили автора рассказов — В. Ковичева. А он, как водится, обратился к научному консультанту — кандидату экономических наук, доценту Высшей профсоюзной школы культуры Г. Климентову.

Так и родилось интервью автора с консультантом, которое мы и предлагаем сегодня своим читателям.

«Мы партия новаторов»

Автор: Геннадий Александрович, раньше наши разговоры (а их было немало) мы не выносили на страницы журнала. Поговорим между собой, решим, что и как, и уж тогда обнародуем. Мне было так спокойнее. Потому что вы — вечно: «Об этом надо сказать, то необходимо отметить, сего не забыть...» А я: «Нет, это наши читатели не поймут, до сего не доросли...»

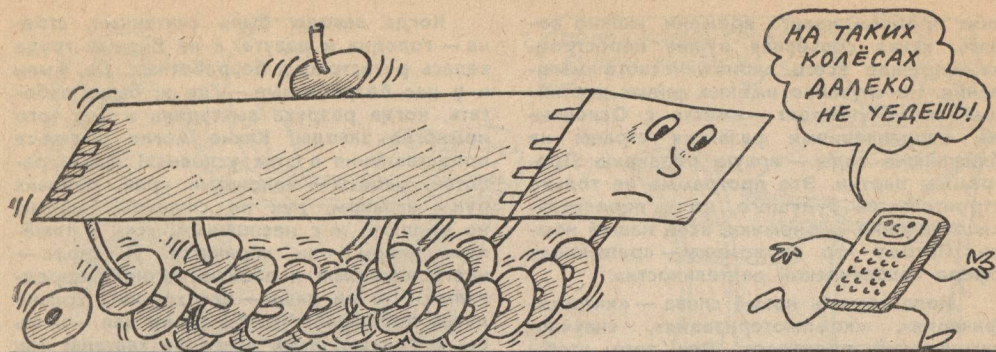
Консультант: То есть вы, Владимир Ефимович, считали, что у вас в кармане лежит удостоверение, дающее право говорить от имени всех читателей?

Автор: Ну, примерно. Я полагал, что дело читателя — читать, писателя — писать, а консультанта — консультировать. Надавлю я на вас своим авторским авторитетом — и ваших идей становится меньше. Мне так было спокойнее, рассказы получались проще и глаже, и никто о наших разговорах,

а случалось — и спорах! — не знал. По опубликованному и не разобрался, что где-то я был несведущ, а у вас имелись более интересные соображения... Теперь же мы наши разговоры публикуем. Вы не находите, что это... ну, как бы сказать... неприлично, что ли?

Консультант: Напротив. Это-то как раз вполне в духе времени. Зачем нам келейность!! Ведь мы обсуждали что! Что нашим читателям нужно! Так они, читатели, вправе знать, что мы думаем о том, что им нужно. Они и поправят нас, если мы в чём-то ошибаемся, могут. Не надо бояться, что ребята не поймут взрослых проблем. Ум — хорошо, два — лучше, а тысячи — лучше всего. Задачи, которые сейчас ставятся перед экономикой, настолько важны и сложны, их решение настолько зависит от участия каждого, что, можно сказать, — нужен коллективный ум! Нужна — всеобщая заинтересованность! Вот почему тре-

буется сегодня абсолютная гласность — то есть не шушукаться по углам и кабинетам, а говорить о наблевшем в голос и при всех. Так что пишите обо всём, не стесняйтесь.

Автор: Ну, хорошо, Геннадий Александрович. Сейчас много говорят и пишут о перестройке. О перестройке экономического мышления, хозяйства, производственных отношений, техники — словом, всего. Давайте объясним читателям, почему эта перестройка вдруг понадобилась. Сколько времени мы объясняли им, а заодно и героям «Рассказов об экономике», как разумно и закономерно строилась социалистическая экономика, и вдруг — перестраивать. Нас могут не понять.

Консультант: Что ж, попробуем разобратся. Мы действительно построили мощную социалистическую экономику. Наш народ создал в когда-то отсталой стране передовую промышленность, развитое сельское хозяйство. А насколько лучше благодаря этому стали жить советские люди! Только за последние 20 лет их доходы выросли вдвое. И что! Всё у нас есть! Больше нам ничего не надо! Любый ребёнок, не только школьник, скажет — не всё. Ну, а если сформулировать задачу по-взрослому, то партией она ставится так: за 15 лет, оставшихся до третьего тысячелетия, рост индустриальной мощи страны должен быть равен тому, что было достигнуто за все предшествующие годы Советской власти.

Автор: То есть мы находимся сейчас как раз на середине пути.

Консультант: Да, и потому нынешний момент называют переломным. Самое время решить, как двигаться дальше. В самом деле — как! Как прежде — старыми экономическими методами! Мы этого не хотим. А ведь за предстоящие 15 лет

индустриальная мощь должна расти в среднем в 4,5 раза быстрее, чем в прошедшие 69.

Автор: Наши читатели уже знают — нужна интенсификация. Об этом даже в школьных учебниках написано. Недавно проверял у сына домашнее задание по экономической географии. Он мне чётко ответил, что интенсивный путь ведения сельского хозяйства — это, когда при обработке в землю вкладывается больше удобрений и прочих средств.

Консультант: И как же вы оценили его знания!

Автор: Я ему сказал: это всё равно, что ты тем лучше поешь, чем больше на еду денег истратишь. Цель интенсификации как раз в том, чтобы средств вложить меньше, а продукта получать больше. И отправил доучивать.

Консультант: А он!

Автор: Он сначала посмеялся над тем, какую глупость сморозил, а потом пошёл доучивать...

Консультант: Понятливый мальчик. Передайте ему от меня привет.

Автор: Спасибо. И вам от него — тоже. Потому что через минуту он вернулся и обиженно показал учебник — там было написано именно так, как он мне рассказывал...

Геннадий Александрович, могу ли я сказать нашим читателям, что в нашей беседе возникла пауза?

Консультант: Да, конечно. Это я, глубоко потрясённый, задумался. Ведь если даже школьные учебники, которые вообще не должны ошибаться никогда, всё-таки ошибаются в понимании сути экономиче-

ских проблем нового времени, можно понять, какая серьёзная нужна перестройка — прежде всего экономического мышления. Не случайно именно сейчас партийный съезд утвердит — вместе с Основными направлениями развития страны на ближайшие годы — новую редакцию Программы партии. Это программа не только строительства будущего, но и перестройки мышления, экономики, всей нашей жизни. Потому что экономика — «решающая сфера человеческой деятельности».

Мало заучить новые слова — «интенсификация», «компьютеризация», «научно-технический прогресс». Для того чтобы выполнить программу, которую определил съезд, надо прежде всего избавиться от старых представлений, отживших методов работы, отношения к науке, производству, учёбе. Учиться, а то и переучиваться придётся всем — рабочим, инженерам, директорам заводов, министрам, бухгалтерам и — видите! — даже авторам учебников.

Автор: Хорошо, Геннадий Александрович, ваши доводы убедительны, перестройка нужна. Но в связи с этим у меня два вопроса. Первый: новое всегда начинается с отрицания старого. Что же это за старое, что успело состариться в нашей социалистической экономике и от которого нашим читателям надо отказываться? И второй: почему это перестройка экономики должна начинаться с перестройки экономического мышления? Разве не мы с вами доказывали нашим читателям в прошлом году, что представления об экономике меняются в зависимости от экономических условий, а не наоборот.

Консультант: Я начну со второго вопроса — так будет понятнее.

Читатели, вероятно, слышали слова «хозяйственный механизм», «экономический механизм». Так говорят, имея в виду, конечно, не счётную машинку или арифмометр, а систему ведения хозяйства. Так вот, экономические механизмы в отличие от технических нельзя пощупать, включить в розетку, выкрасить в новый цвет или сдать в металлолом. Да и увидеть их нельзя. Они существуют только в наших представлениях. Значит — с ними свои сложности. К примеру, если ручка у арифмометра прокручивается вхолостую, а счётная машинка врёт, их можно либо починить, либо — раз уж они так износились — вообще выбросить и заменить на новые. А экономические механизмы — поскольку они созданы только нашими представлениями — изменить можно только новыми представлениями о том, как следует хозяйствовать, а как не следует.

Ведь когда складывались наши представления о хозяйствовании?

Когда заводы были считанные, страна — голодна и разута, а на биржах труда велась регистрация безработных. Да, были и у нас безработные — где ж было работать, когда разруха выстудила и без того немногие заводы! Какие могли родиться представления в этих условиях! Давай работай, работы — непочатый край, рабочих рук — навалом, рук не слишком умелых, но крепких, и с несложным, хоть и тяжёлым делом они справятся. И спрос — неограниченный и абсолютно непривередливый. Что ни дашь — всё хорошо. Только давай побольше! Что бы ты ни дал — лишь бы побольше. Ведь всего не хватало! Так и родился основной показатель работы предприятий — «валовая продукция», или, как его проще называют — «вал».

«Вал» — это вообще всё. Выточил рабочий копеечную гайку — «вал» копейку впитал. Другой выточил болт — ещё на три копейки прибавилось «валу». А третий сковал рублёвый лемех. Значит, всего они произвели валовой продукции на 1 рубль 4 копейки. Но план у них — два рубля. Можно сделать так: сковать ещё один лемех — и сразу план перевыполнишь. А можно выточить ещё 96 гаек. Или 32 болта. Или 24 гайки и 24 болта. «Валу» — всё равно. Хозяйству — безразлично: потому что лемех без болта и гайки не прикрепить, а значит — пахать нельзя, а гайки без болтов или болты без гаек — вообще железки. «Валу» же, как понимаете, опять всё равно. Он поправился на 96 копеек — а там хоть и трава не расти.

Автор: Так трава и вырастет, если поле не пахано!

Консультант: Вот именно! Тогда придётся ещё косу ковать — траву выкашивать.

Автор: То есть выполнять лишнюю работу?

Консультант: А «валу» только этого и надо, — он от этого ещё больше вырастет! И даже, если из-за плохого качества лемех сломается...

Автор: Или болт...

Консультант: Лучше лемех — он дороже. Тогда придётся его заменять или исправлять — и от этого «вал» увеличится тоже. Потому что в него входит и стоимость ремонта. Ему что ни навали — всё съест. Такой это всеядный показатель. Но он нам был нужен. Потому что в условиях, когда всего не хватает, а рабочих рук в избытке, лишних лемехов, гаек, болтов и кос не бывает — всему находится применение, а лишний ремонт — лучше, чем лишний

безработный. Мы не привередничали. Нам нужно было, чтоб всего было достаточно — потому нам «вал» и годился.

Автор: Но потом положение изменилось...

Консультант: Да, но не настолько, чтобы нельзя было не мириться с «валом». Давно, ещё в начале 30-х годов, исчезла безработица, а потом обнаружилась нехватка рабочих рук в городах. Ну и что — в селе их избыток. Миллионы сельских жителей стали горожанами. Сперва разрабатывали бакинскую нефть и донбасский уголь. Затем мы развернули Кузнецкий угольный бассейн, нашли нефть в Тюмени, осветили полстраны энергией сибирских рек, подняли целинные земли, построили порты на тихоокеанском побережье, проложили БАМ. Разве плохо! Хорошо! Какими темпами стал осваиваться обширный и богатейший край!

Автор: Но сколько для этого понадобилось людей, сколько сил и средств!

Консультант: То-то и оно. Уже и в сёлах стало не хватать рабочих рук. Уже и сибирским недрам мы видим предел, заглядывая на сто лет вперёд. Каждый грамм весит сегодня на весах экономики в десятки раз больше, чем двадцать-тридцать лет назад, каждый киловатт электроэнергии, каждый кубометр пресной воды, каждый час квалифицированного рабочего... А «валу» как было всё равно что, лишь бы побольше, так и осталось. «Вал» по-прежнему велит: «Вали поболее! Гляди, сколько с моей помощью навалили — всего навалом! И ещё давай — я всё считаю».

Автор: Но ведь теперь совсем другие условия!

Консультант: О! Условия-то изменились... А мышление! А представления о том, что хорошо в экономике и что плохо!

Автор: Они, конечно, тоже должны измениться — в соответствии с условиями?

Консультант: Должны. Именно на этом и настаивает партия. Этого требует народ. Вот почему нужна перестройка.

Но не всё здесь просто. Сколько поколений хозяйственников воспитывалось на «вале»! Сколько поколений учёных-экономистов мудрило над тем, как полнее насытить «вал»! Сколько инженеров не могли внедрить разработанные ими экономичные машины, приборы, проекты, потому что они не устраивали «вал»! Сколько поколений рабочих выросло на том, что надо делать больше, только больше, как можно больше! Сколько журналистов, публицистов, писателей только за это их и хвалило! Помните!

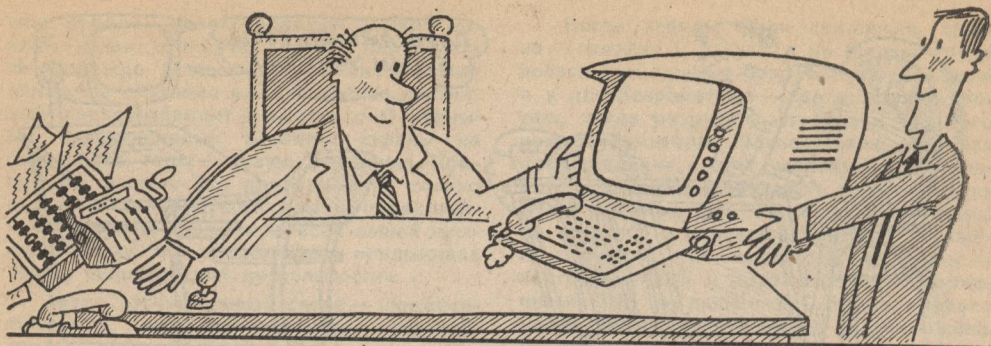
Почему у нас с вами возникла пауза, Владимир Ефимович!

Автор: Да вот вспоминаю, сколько сам писал про это...

Консультант: Представления меняются в зависимости от экономических условий, но медленнее, чем они. Давно впитанные нами старые представления глубоко сидят в нас. Какое бы сравнение привести, чтобы было понятнее! Ну, это всё равно, как вступишь с мороза в тёплый дом и никак не решишься скинуть шубу. Сними её — быстрее согреешься. Но в тебе ещё память уличной стужи, от которой только шуба и спасала. И эта память мешает освободиться от ненужной одежды даже в тепле, которого ты пока заметить не в силах из-за той же шубы.

Так и живут среди нас представления-враги, которых мы не распознаем никак, потому что привыкли считать их помощниками (а они таковыми и были когда-то) — «вал», производительность труда, рассчитанная по «валу», тарифная ставка, настраивающая на тот же «вал».

Автор: Прямо детектив какой-то: выследить, обнаружить, разоблачить, ликвидировать...

Консультант: А нынче накал страстей в экономике и в экономической науке почище, чем в любом детективе.

Автор: Ну а, скажем, если бы вы оказались этаким... Шерлоком Холмсом в экономике...

Консультант: Я бы разоблачил «вал» и построенные на нём экономические показатели.

Автор: Методом дедукции, как знаменитый сыщик?

Консультант: Нет, методом материалистической диалектики, как Карл Маркс. Достаточно для этого внимательно прочитать «Капитал». Маркс доказал в «Капитале»: чтобы делать больше, надо тратить труда меньше. Чем меньше затратил — тем больше сделал. Это разоблачает погоню за повышением производительности за счёт увеличения «вала». Маркс показал разницу между продуктом производства капиталистического и социалистического. Капиталисту важно производить ради того, чтобы производить — лишь бы капитала накопить побольше. Для него всегда новый станок важнее, чем новое блюдо к столу рабочего. Нам же необходимо производить лишь то, что полнее удовлетворяет потребности народа. Да, мы должны делать станки, машины, ЭВМ и болты с гайками, но не ради них самих, а ради того, чтобы у нас было больше хлеба, фруктов, одежды, больниц и детских садов с бассейнами. Это разоблачает

«вал» как мнимый, а не истинный продукт социалистического производства. «Наиболее полное удовлетворение потребностей общества при наименьших затратах всех видов ресурсов» определено партией как «непреложный закон социалистического хозяйствования, основной критерий оценки деятельности».

Как видите, будь я в экономике сыщиком Холмсом, мне удалось бы не только разоблачить устаревшие методы хозяйствования, но и предъявить им обвинение на основании официального документа. Как вы знаете, без этого обвинение недействительно. наших читателей не проведёшь, ведь читатели «Искорки» теперь изучают и юридические законы.

Автор: Я думаю, пришло время сказать, какое место займут в «экономическом механизме» страны наши читатели?

Консультант: Им надо готовить себя к будущему. Готовить к большим делам. Ведь на них главная надежда в осуществлении программы ускорения социально-экономического развития страны. Нынешние школьники станут основной производительной силой к началу третьего тысячелетия. Это будет поколение, выросшее уже на идеях нового времени, не отягощённое устаревшими представлениями о способах организации хозяйства. Они в состоянии лучше услышать новое: переучиваться всегда труднее, чем учиться. Это не потому, что наши дети какие-то особенные (пусть не зазнаются!), просто в такое время им выпало вступать в самостоятельную жизнь. Коммунисты всегда делали ставку на молодое поколение. Хочу напомнить слова Ленина, сказанные ещё в начале века: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодёжи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идёт молодёжь».

Рис. Г. Светозарова

ХОРОШИЕ ИМЕНА

Притаилось в Егоре горе.
Зеленеет в Иване ива.
Грустных дел у Егора — море,
а Иван шелестит лениво.

Бор сосновый шумит в Борисе.
Жить на свете светло Светлане.
Мягко рыскает рысь в Марысе.
Поля нежится на поляне.

Варя вкусно варенье варит.
— Тим-тим-тим! — раздаётся в
Тиме.

Валя сильный, он всех повалит.
Дима выйдет и всех подымет.

Сколько в мире имён хороших!
Подбери карандашик, Даша!
Клаша, Клаша, надень калоши!
Не гуляй нараспашку, Паша.

Надя, Вера, Любаша, Тома,
Миша, Петя, Антошка, Вова,
и Андрей, и Сергей, и Рома —
в каждом имени дышит слово.

Коля с Олей знаком по школе.
Коля ей подарил колечко.
А в Егоре совсем не горе,
а гора и гранит, конечно.

Рис. Л. Московского

ПОЭТЫ МИРА- ДЕТЯМ

Рядом с её именем часто ставят слово «первая». Она первая из поэтов Чили стала известна всему миру. Первая из литераторов Латинской Америки получила Нобелевскую премию. Произошло это в 1945 году, в год Великой Победы.

Одна из первых в Америке заговорила она о богатстве духовного мира индейцев — коренных жителей континента.

И, наконец, Габриэла Мистраль первая в Латинской Америке стала писать стихи специально для детей. Было это в те же годы, когда у нас в стране появились первые детские стихи Маршак и Чуковского.

Отец Габриэлы Мистраль был школьным учителем, а также — мечтателем и поэтом. От него Габриэла унаследовала любовь и к педагогике и к поэзии. Многие годы преподавала она в школах (в Чили их называют лицеями), а среди её учеников был знаменитый Пабло Неруда. Именно она привила будущему поэту-коммунисту страсть к литературе. Толстой, Достоевский, Чехов — любимые писатели Мистраль — стали любимыми и для Неруды.

...В одном из стихотворений Габриэла Мистраль писала: её самое заветное желание — дать каждому чилийскому ребёнку по паре ботинок, ведь Чили — страна холодная, растянувшаяся до Антарктиды... Она хотела видеть чилийских детей весёлыми, здоровыми, счастливыми...

Спустя шестнадцать лет после смерти Мистраль, в сентябре 1973 года, над её родиной опустилась чёрная ночь фашистской диктатуры. Тысячи патриотов Чили оказались за тюремными решётками, в концлагерях. Тысячи чилийских детей стали сиротами.

Но всё громче звучит протест против фашистской хунты. Народы мира верят, что никакие репрессии не заставят чилийцев встать на колени и скоро над страной вновь зазвучат гордые, свободные песни. Среди них будут и песни на слова Габриэлы Мистраль, потому что они написаны с великой верой в свободного человека, с гордостью за свой народ.

Виктор Андреев.

Габриэла МИСТРАЛЬ

Стихотворения

СВЕРКАЮЩИЙ ХОРОВОД

Хоровод девочек,
тысячи девочек —
вокруг меня.
О, я — царица
светлого дня!

Над землёй знойной,
над землёй скудной,
над жёлтым песком —
хоровод девочек
ярким цветком!

Над зелёным долом,
над равниной дивной,
у подножья гор —
хоровод девочек,
ребячий хор!

В беспредельном мире,
в безнадежном мире,

где слёз — моря,
хоровод девочек —
любовь моя!

И моя песня
всех бед сильней:
под лазурным небом
поют её хором
тысячи детей.

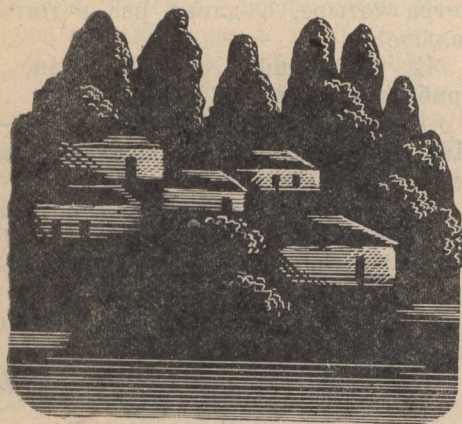
КАЧАЯ РЕБЁНКА

Колыбельная

Море суда качает,
плещет волна морская.
Я слушаю музыку моря,
ребёнка качая.

Ветер хлеба качает,
а тьма необъятна ночная...
Я слушаю голос ветра,
ребёнка качая.

Покачивается, как в люльке,
наша Земля родная.
И я со вселенной — едина,
ребёнка качая.

СВЕТ

Мой сын, ты глаза открываешь —
свет летит над тобой, как птица;
мир глядит на тебя с любовью,
если солнечный свет струится.
А в ночной темноте неоглядной
мир — пугающая темница.

Снова солнце встаёт над землёю,
снова свет устремляется к людям;
мы любимся этим миром, —
это свет прекрасный мы любим...

Перевёл с испанского
Виктор Андреев

НОЧЬ

Горы тают во мраке,
стада исчезают во мгле.
Солнце скрылось на западе —
ночь царит на земле.

Стали сады невидимками,
тонут в ночи дома,
горы, леса и звуки —
всё поглотила тьма.

Пришла пора сновидений,
усталость не превозмочь.
Сын мой, вдвоём с тобою
и мы погружаемся в ночь.

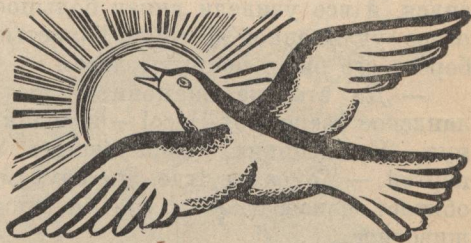

Рис. Л. Коломейцевой

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Итак, путешествие продолжалось...

К счастью, шар летел на юго-запад и воздух потеплел.

Профессор Алидада, отдыхая в гамаке, задремал, но остальные путешественники бодрствовали. Фотограф Трик-Трак поглядывал вниз, ожидая снять что-нибудь интересное. Пилот Крылышкин сверял курс с картой. А Искорка принялась готовить утренний кофе.

— Где это мы летим, Крылышкин? — спросил Трик-Трак.

— Под нами — острова Великобритании. Сейчас мы пролетаем над Северным проливом. Слева — Шотландия. Справа — Ирландия...

— А где лучше приземлиться? — спросила Искорка. — Слева или справа?

— Лучше всего держать курс посередине, — сказал Крылышкин. Но в это время сильный порыв ветра увлёк шар в облака.

Только через полчаса шар снизился, и все увидели внизу большое озеро удлинённой формы. Гористые берега его были покрыты лесом.

— Да это же знаменитое шотландское озеро Лох-Несс! — воскликнул Крылышкин, справившись с картой. — То самое, где, по слухам, обитает неизвестное науке большое животное...

— Вот бы повезло нам! — воскликнул Трик-Трак. — И я бы сделал редкий кадр! «Трик-трак» — и «лох-несское чудовище» на моём снимке!

— Смотрите, смотрите! — закричала Искорка. — Вон там, между деревьями!

Трик-Трак и Крылышкин посмотрели и ахнули: внизу, недалеко от воды, почти рядом с асфальтированным шоссе, идущим вдоль берега, стояло... Да, да! Оно! Лох-несское чудовище! Высота животного была метра четыре, а длина раз в пять больше!

И воздушный шар, снижаясь, приближался прямо к нему...

— Ой! — крикнула Искорка. — Мне страшно... — И закрыла глаза ладошкой.

— Где моё ружьё? — воскликнул пилот Крылышкин.

— Где мой фотоаппарат? — прошептал Трик-Трак.

Все замерли, ожидая дальнейших событий...

Как вдруг...

...Проснулся профессор Алидада.

— Если я не ослышался, — сказал он, — кто-то сказал — «лох-несское чудовище»?

— Оно внизу, — прошептала Искорка. — И мы летим на него!

— Гм... — сказал профессор, приглядевшись. — Именно так я и подумал! Пилот Крылышкин! Сбросьте, пожалуйста, якорь! Мы сделаем остановку в этом прелестном месте и спокойно позавтракаем...

— А... а... а чудовище? — спросил Крылышкин.

— Положите на меня!

Шар остановился, и профессор, выбравшись из корзины, храбро за-

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

шагал к чудовищу... Мало того, к удивлению всех, он положил на морду чудовища руку (морда была величиной с кухонный стол), погладил её и сказал Трик-Траку:

— Можете запечатлеть меня в обнимку с Несси. Именно так называют эту красавицу, хотя её по-настоящему не видел никто.

— Да это же... Это же — просто большое чучело! — воскликнула Искорка и подбежала к профессору.

— Вот именно, — сказал профессор. — Пластиковая реклама Несси. Если бы вы были внимательны с самого начала, то увидели бы на её боку надпись для туристов: «Добро пожаловать!». А теперь, друзья мои, завтракать! За стаканом горячего кофе я расскажу вам про Несси любопытные истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

В 1933 году рабочие, прокладывая вдоль озера вот это шоссе, взрывали скалы и, как предполагают, потревожили некое неизвестное

науке крупное существо, обитавшее в озере с незапамятных времён... И с этих пор то на берегу озера, то в воде стало наблюдаться нечто странное...

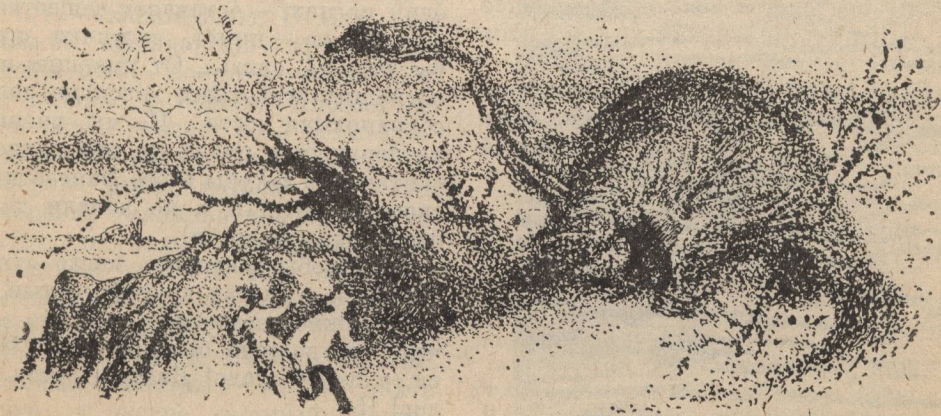
*Так, некто Спайсер, служащий лондонской фирмы, и его супруга, проводившие здесь свой отдых, увидели громадное животное, пересекавшее дорогу. Супруга Спайсера при виде животного лишилась чувств...

Годом позже хирург из Лондона сделал фотоснимок плывущего в озере существа.

После всего этого интерес к Несси — так окрестили животное — возрос во всём мире столь сильно, что на берега озера хлынул невиданный поток туристов. Не оскудевает он и по сей день.

— Значит, Несси действительно существует? — спросила Искорка. — И можно надеяться увидеть в озере настоящую Несси, а не пластиковую, как это чучело?..

— Об этом, — сказал профессор, — следующая история... А пока, уважаемая Искорка, передайте, пожа-

луйста, мне бутерброд с сыром. Что-то проголодался я на свежем воздухе...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

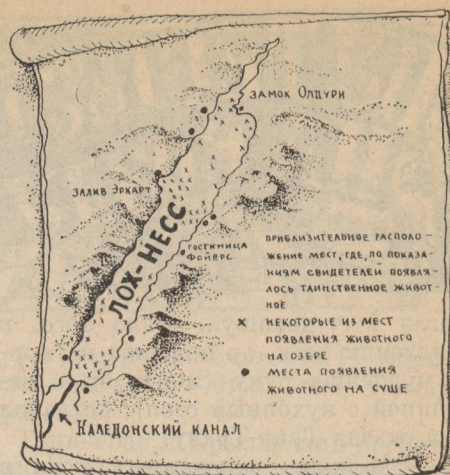
О возможности (или невозможности) существования в озере неведомого науке большого животного говорили наконец учёные...

Им-то это было не менее интересно, чем обычным читателям газет и журналов, где печатались бесчисленные статьи о Несси...

Случаев, когда самые разные люди видели животное, набралось немало — что-то около ста пятидесяти...

Во-первых, как оказалось, среди этих людей не было ни одного учёного, на слова которого можно было бы положиться или который мог бы по-научному описать и определить — что это всё-таки за животное?

Во-вторых, как только у людей была возможность сфотографировать Несси с близкого расстояния, у них или ломался фотоаппарат, или не срабатывал затвор объектива, или случалось ещё что-нибудь подобное... А все сделанные фотографии Несси, к сожалению, таковы, что документами служить не могут: или Несси

сфотографирована с большого расстояния, или снимок смутный. В последнее десятилетие для изучения чудовища были организованы настоящие научные экспедиции на озеро — с электронной аппаратурой и даже с маленькой подводной лодкой. Но и эти экспедиции не обнаружили ничего! Вы, конечно, можете сказать, что животное, боясь поднятого шума — стука моторов, голосов многих людей и тому подобного, — затаилось, ушло в какие-нибудь подводные пещеры... Но в течение десяти лет автоматические кинокамеры, работающие даже в темноте, могли заснять хоть что-нибудь? Посты наблюдения на берегах озера работают даже и сейчас... Но Несси так и не показывается...

В-третьих, точка зрения учёных сформировалась. Они сказали: «Нет! Нет, нет и ещё раз нет!»

— Всякое животное, — сказал один из них, — оставляет вещественные следы — помёт, частички шкуры, шерсть, слизь... От умерших или погибших животных довольно долго сохраняются кости... Но мы, учёные, не держали в руках ни квадратного сантиметра шкуры этого фантастического животного и не видели даже осколочка его кости!

— Чтобы животное могло существовать, — сказал другой учёный, — оно должно размножаться, а это значит, что должна быть не одна Несси, а целое стадо! Двести-триста голов! Но...

Снова — «но!» Где взять пищу для такого количества крупных животных? Аргумент, к сожалению, неотразимый: ведь озеро не так уж и велико. И, если Несси не бесплотное существо, то весить оно должно не менее нескольких тонн. Представляете, сколько нужно пищи, чтобы прокормить стадо в триста голов?..

— Значит, — вздохнула Искорка, — никаких надежд!..

— А что об этом думаете вы, профессор? — спросил Трик-Трак.

— Что думаю я? — Профессор стряхнул с колен крошки от бутерброда и сделал несколько глотков кофе. — Что думаю об этом я, — следующий рассказ...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

— Итак, что думаю обо всём этом я... — повторил в глубоком раздумье Алидада. — Гм... Несмотря ни на что, я полагаю, друзья мои, что всё-таки, если и можно было бы говорить о предполагаемом животном, то оно могло оказаться чем-то вроде гигантских ящеров, которые, как считается, вымерли сотни миллионов лет назад...

Вымерли ли? — вот в чём вопрос.

За последние сто лет в различных частях света и в океане было открыто почти тридцать пять видов и подвидов совершенно не известных прежде **КРУПНЫХ** животных... В 1903 году нашли горную гориллу, а в 1913 — карликовую. В 1900 году открыли африканского круглоухого слона, в 1914 — болотного слона. Совсем недавно у берегов Японии добыли ранее неизвестного ремнезубого кита... А находка целаканта! Кистепёрой рыбы, которая считалась вымершей миллионов эдак двести-триста лет назад! Сенсация! Я бы утомил вас списком всех открытых за последние сто лет никому не известных животных...

Но вернёмся к Несси. Конечно, крупных животных можно найти только в океане, который сравни-

тельно мало изучен и беспределен. Но никак не в озере!

Я думал об этой проблеме, об этой загадке, которая весьма занимала и мой ум... Ведь что-то всё-таки должны были люди видеть! Из ста пятидесяти свидетелей — не все фальсификаторы или заблуждающиеся! От озера, думал я, до моря — несколько километров. И хотя озеро чуть выше уровня моря, возможен всё-таки сток его вод в море! Может быть, у озера есть с морем сообщение через подобие подземного тоннеля?.. Так?

И представьте себе, что у берегов Шотландии, в пещерах на большой глубине, омываемых тёплым Гольфстримом, ещё сохраняются и живут уцелевшие морские ящеры! Чрезвычайно осторожные, ведущие ночной образ жизни и охотящиеся только глубоко под водой. А Лох-Несское озеро? Что-то в нём привлекает этих животных. Температура воды или ещё что-то!.. Идут же угри размножаться из Саргассова моря в реки и озёра... Так и эти большие, чуткие, осторожные животные заходят по временам в Лох-Несс. Тогда-то их и замечают люди... Изменяется что-то в температуре воды, в общем климате планеты, и «несси» перестают посещать озеро. Но не навсегда... Их, возможно, увидят снова — лет через десять, двадцать, пятьдесят...

Таково моё предположение, друзья... Как видите, хоть я и сомневающийся, но я — оптимист. К тому же даже в науке, как и в жизни вообще, должно же оставаться место хотя бы для маленькой тайны...

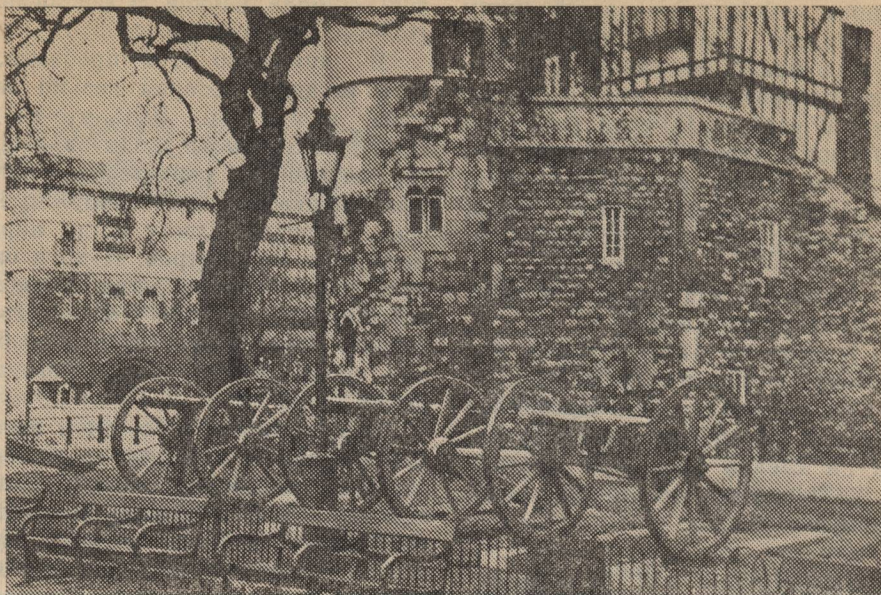
А теперь в путь, друзья! Погода прекрасная! Ветер попутный. Нас ждёт Атлантика! Летим! Летим дальше!

М. Зубина
История:

...Летим дальше.

Пролетая над Лондоном, осмотрели с высоты исторические здания: Вестминстерское аббатство, Тауэр —

Тауэр. Бывшая королевская крепость-тюрьма. Сейчас — музей.

бывшую королевскую крепость-тюрьму, а теперь — исторический музей...

Трик-Трак успел всё это сфотографировать, а профессор Алидада рассказал небольшую историю... Оказывается, в Тауэре живут столетние вороны. Они бродят всюду по крепости, и их никто не трогает. Уже много столетий на прокорм этих древних птиц отпускались деньги — на мясо. Но за последние годы мясо в Англии, как и все другие продукты, сильно подорожало... И было решено отказать воронам в пропитании. Но

тут кто-то вспомнил о старинном поверье: Тауэр стоит до тех пор, пока в нём живут вороны.

Пришлось оставить птиц на «службе»...

Когда мы пролетали над Ла-Маншем, Трик-Трак сделал ещё один снимок. Это были корабли, стоявшие у входа в реку Темзу. Оказалось, что это корабли, которые не могут разгрузиться в Лондоне, потому что там бастуют докеры — грузчики порта...

Радиограмма с борта воздушного шара.

Искорка попросила послать в эфир несколько своих вопросов:

«ЧТО БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ С ВОЗДУШНЫМ ШАРОМ, ЕСЛИ ОН ПРОЛЕТИТ НАД ОЗЕРОМ В ДНЕВНОЕ ВРЕМЯ? А ЕСЛИ ОН ЛЕТИТ НАД ГОРОДОМ, ЛЕСОМ ИЛИ БОЛОТОМ? БУДЕТ ШАР ПОДНИМАТЬСЯ ИЛИ ОПУСКАТЬСЯ?

ЧТО БУДЕТ С ШАРОМ, КОГДА ИЗ-ЗА ОБЛАКОВ ВЫГЛЯНЕТ СОЛНЦЕ? ЧТО БУДЕТ С ШАРОМ, КОГДА ОН ПРОЛЕТИТ НАД ПОЛЕМ ПШЕНИЦЫ, ОСВЕЩЁННЫМ СОЛНЦЕМ?»

Сообщения читателей, следящих за полётом шара, будут сразу же переданы радиограммами Искорке.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ПУБЛИКАЦИЮ ОТЧЕТОВ О ПУТЕШЕСТВИИ

Олег Орлов
Рис. Л. Московского

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12
РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

ЗАКОНА!

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЕВА

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Как появился закон

ПРАВ ЛИ РОБИН ГУД?

Ребята!

Неделю назад в редакции «Искорки» мне дали целую стопку писем, которые вы написали, прочитав мой первый рассказ. Письма очень интересные и разные.

Вот, например, что пишет ученик 3-го класса Вова Ш.:

«Я не согласен с капитаном Соколовым, что лучше всего по ночам разгружать алмазы. Я бы хотел разгружать шоколадные конфеты «Орбита».

Или вот письмо ученицы 4-го класса Зины Ф.:

«Мне очень не понравился мальчик Дима Ковальский. Он и своего брата выгораживал, и сам вёл себя неправильно. Разве можно каждый день с утра наедаться булками и булками? Вы передайте Диме: если он и дальше будет так делать, то станет толстым и ребята начнут дразнить его «Жиртрест». А виноват в этом его брат Юра».

Ну, это, как вы сами понимаете, курьёзы...

Попробуем разобраться всерьёз.

Что касается первого вопроса — его задал капитан Соколов: «Почему ребята могли бы оказаться причастными к преступлению Сергея Ивано-

ва?», — то ответов на него пришло немного. И вообще с Сергеем пока всё неясно. Многие читатели высказывают в письмах удивление — почему одноклассники не поверили Сергею, не разобрались в этом деле сами?

Я говорил с ребятами из 6-в.

— Был бы кто другой, — помявшись, сказал толстый Лёша, — мы бы, конечно, не пошли в милицию. Что мы, совсем, что ли, уже! — своего парня в отделение тащить!.. А Сергей — другое дело!

Я пытался выяснить — почему они так относятся к Сергею? Может быть, он уже попадался на кражах или плохо ведёт себя, хулиганит?

— Нет! — дружно отвечали ребята. — Не попадался и не хулиганит. И учится неплохо. И всё равно!..

А что «всё равно» — выяснить мне не удалось. Так что разговор о Сергее Иванове и ребятах из 6-в оставим на потом.

А вот вопрос прокурора Н. Н. Кириллова: «Не слишком ли суров закон по отношению к таким, как Юра Ковальский?» — вызвал ответы интересные и, прямо скажу, неожиданные.

В основном, ребята осудили поведение Юры. Очень правильно написал Костя Абрикосов, ученик 5-го класса:

«Конечно, бублик — это мелочь. Но если каждый начнёт тащить с работы, что попадётся под руку — кто бублики, кто гвозди, кто краску со стройки или обои, или ещё чего там, — так это уже получают не мелочи, а очень много. И потом, Юра украдёт бублик, ему понравится, что ничего ему за это не сделали, а в следующий раз он может что-нибудь подороже украсть. Я считаю, таких людей надо

наказывать. Конечно, если Юра поймёт, что неправильно поступил, то можно его не судить. Но пускай ему прокурор Кириллов как следует объяснит. И даже пусть накричит на него и кулаком по столу стукнет. Чтобы Юра на всю жизнь запомнил, что так нельзя!..»

Но пришло письмо и очень неожиданное. Я, честно говоря, даже растерялся, прочитав его.

«Дорогая редакция!

По закону Юра Ковальский — преступник. Но почему-то можно быть преступником, и при этом — хорошим человеком. Я много прочёл разных книг, и про детей, и про взрослых, и в этих книгах иногда так и получается.

Вот, например, Гекльберри Финн из «Тома Сойера». Там написано, что ему, Геку, часто случалось воровать. Наверное, по американским законам его надо было бы в тюрьму посадить, если бы его поймали. Но ведь он — хороший, правда? Мы бы все его жалели, если бы его посадили.

А сам Том Сойер? Когда они на остров убежали, они ведь плот украли! А мы разве возмущаемся? Нет. Мы — на стороне Тома и Гека.

Или ещё один мальчик — Том Кенти из «Принца и нищего». Тоже Марк Твен написал. И то, что Том Кенти стал королём — это ведь тоже преступление. Ничего себе — королевскую власть обманом присвоил! Если бы узнали, его бы, наверное, казнили тут же! А нам бы было жалко Тома Кенти.

Или вот ещё пример — благородный разбойник Робин Гуд: у него шайка была, он многих людей ограбил, а некоторых даже убил. Его считали опасным преступником, ловили изо всех сил. А мы

разве хотели бы, чтобы Робина Гуда поймали? Наоборот, мы все радуемся, когда он над Гаем Гисборном издается. И с тех пор уже семьсот лет прошло, а люди Робина Гуда добром вспоминают, песни про него поют, фильмы снимают, и везде он — хороший.

Я считаю, что Юра Ковальский неправ и судить его надо. Но в чём тут дело, почему Юру судить надо, а Гека Финна или Робина Гуда не надо, я, если честно, не могу понять.

Объясните мне, пожалуйста, в чём тут дело?

С уважением

Витя Савельев,
ученик 6-в класса».

...Когда я вошёл в кабинет прокурора Н. Н. Кириллова, там как раз сидел и капитан Соколов. Оба они были мрачные и сердитые.

— Как вам это нравится? — с ходу заговорил Соколов. — Десять человек видели, как он в Ленинграде выходил из подъезда с чемоданом, а он утверждает, что в это самое время был во Владивостоке в институте рыбного хозяйства — в отделе искусственного разведения осетровых рыб! И называет десяток — заметьте, точных! — фамилий сотрудников, которые там его якобы видели.

— Про кого вы? — не понял я.

— Да про «Стриженого», будь он трижды неладен!

— Чего же его слушать? — удивился я. — Он же врёт всё!

— Врёт! — согласился прокурор. — Но при этом прекрасно знает, что каждое его утверждение мы обязаны проверить. Вот и тянет время.

— Володя Ивченко из-за него уже три дня во Владивостоке торчит, — добавил Со-

колов. — Нина Александрова каждый день нам звонит, спрашивает, когда он придет.

— А у вас что, товарищ Данилов? — спросил прокурор.

Я показал ему письмо Вити Савельева.

— Молодец парень! — прочитав, воскликнул Кириллов. — Думающий! Он ведь, сам того не подозревая, поднимает самый сложный вопрос — о классовой природе законов и права! Ну что же... Давайте сделаем так. Я вам прочитаю по этому поводу небольшую лекцию, введу, так сказать, в суть вопроса. Ну, а как изложить всё это ребятам, чтобы было интересно, занимательно, а, главное, понятно, — это уж, извините, ваша, писательская, работа!

Вернувшись домой, я сел за стол, зарядил в пишущую машинку чистый лист бумаги, взялся двумя руками за голову и задумался... И сам не заметил, как пальцы мои застучали по клавишам машинки. Рассказ начал постепенно набирать ход.

ЧЕЛОВЕК. ЗАКОН. ВРЕМЯ

Жил-был на Земле весёлый, сильный Простой Человек. Он охотился на диких зверей, пил воду из ручья, собирал ягоды и коренья, пел песни и громко смеялся, встречая восход солнца.

Но однажды на лесной дорожке повстречался Простому Человеку некто — в богатом хитоне, с курчавой головой и крашеными ногтями. В руках он держал свиток из толстого пергамента.

— Ты кто? — удивлённо спросил Простой Человек.

— Я — Закон! — важно ответил незнакомец.

— Закон? — переспросил Простой Человек. — Первый

раз слышу. А откуда ты взялся?

— Меня придумали люди, — заявил Закон. — И теперь во веки веков ты мне будешь подчиняться!

— Неправда! — рассердился Простой Человек. — Я подчиняться никому не стану!

— Посмотрим, — усмехнулся Закон и щёлкнул пальцами. В ту же секунду, ломая кусты, на дорогу выскочили стражники с короткими мечами.

— Это — раб! — сказал им Закон. — Взять его! Заковать в цепи! Надеть на него ошейник! И пусть работает от зари до зари в каменоломне!

Поздно ночью, когда измученный Человек со стоном повалился на охапку соломы, около него кто-то вздохнул. Это был Закон.

— Ну что, — спросил Закон, — понял, что к чему?

— Я подчинился не тебе, а стражникам! — зло сказал Простой Человек. — Их много, они сильнее меня!

— Эх ты, наивная душа, — покачал головой Закон. — При чём тут эти тупые скоты?.. Слушай!.. — И вот что рассказал Закон Простому Человеку.

В незапамятные времена люди жили хоть и тяжело, но дружно. Вместе охотились, вместе ловили рыбу, сеяли пшеницу, разводили скот. И всё, что у них было, делили поровну. Но вот однажды люди из племени, что жило у реки, решили, что в лесу — лучше. В реке — одна рыба! А в лесу — и дичь, и грибы, и ягоды, и зелёный шатёр над головой!

Но в лесу жили другие люди. И тогда речное племя пошло войной на лесных людей. Они напали исподтишка. Многие лесные люди погибли, а тех, кто попал в плен, побе-

дители заставили работать на себя.

Так появились рабы. Как-то раз вечером собрались свободные люди на сход.

— Послушайте-ка, братцы, — сказал им Вождь. — Что-то у нас не то происходит. Неправильно живём!

— А в чём дело? — разволновались свободные. — Вроде всё в порядке. Рабы трудятся, мы ими командуем. Всё как у людей.

— Рабов-то вон сколько! — возразил Вождь. — А нас? Вдруг они возьмут да и разбегутся?

— Точно! — согласился кто-то. — У меня вчера раб удрал. Я только отвернулся — а его и нет.

— Разбегутся — это ещё полбеды! — продолжал Вождь. — А вдруг они нас, свободных людей, возьмут да и...

— Могут! — заговорили остальные. — Вполне. Работают-то из-под палки...

— Не посмеют, — возразил кто-то. — У нас оружие, а у них его нет.

— А вот вчера, — опасливо зашептал один свободный, — я рабу своему, как положено, дал пару раз. А он на меня так посмотрел!.. А под рукой, как на грех, — ни меча, ни дубины. Не будешь ведь круглые сутки с оружием ходить?!

— Что же делать? — задумались собравшиеся.

— А делать вот что, — сказал Вождь. — Надо из нас, свободных людей, создать отряд. И те, кто в отряде, день и ночь будут носить оружие и следить за рабами.

— Верно! — загомонили свободные люди. — Ай да Вождь! А кого в отряд возьмём?

— Кто посильнее, конечно! — усмехнулся Вождь. — Ты... ты... ты... и ты... Ну — и я. Как самый сильный.

— Подожди-ка, Вождь, — сказал один из тех, кого взяли в отряд. — Значит, охотиться мы не будем, со своими рабами управляться нам будет некогда. А кто же нас будет кормить?

— Они! — указал Вождь на остальных свободных людей. — За то, что мы их защищаем и охраняем, они отдадут нам часть того, что имеют.

— Порядок! — сказал человек из отряда. — Теперь, если рабы взбунтуются, всех поубиваем!

— Подожди! — остановил его Вождь. — Если всех поубиваем — кто работать станет? Нет, так нельзя... Зачинщиков — само собой... а остальных... Тут помозговать надо. Если, например, раб не сильно виноват — плетью побить. Если похуже — ушиотрежем. А ещё можно под замок его посадить и еды не давать, пока не перевоспитается... В общем, надо правила разработать: кого, когда и за что наказывать!

— Вот так, — закончил свой рассказ Закон, — появился я, Закон.

— Но ведь я ни в чём не виноват! — воскликнул Про-

стой Человек. — Почему я должен быть рабом? Работать с утра до ночи? Питаться отбросами? Почему?

— Но что я могу сделать? — вздохнул Закон. — Ведь меня придумали те, кто стоит у власти. А им нужны рабы, сам понимаешь. Вот они, властелины; и создают такие законы, чтобы вас, рабов, держать в подчинении.

— Бедный я, бедный, — опечалился Простой Человек. — Неужели я всегда буду рабом?! Неужели нельзя отменить этот ужас?

— Нельзя! — строго сказал Закон. — Никогда мои хозяева этого не допустят.

— Ты ошибаешься, — раздался вдруг тихий голос. — Тебя изменить можно!

— Кто это смеет спорить с Законом?! — воскликнул Закон. — Я позову стражу!

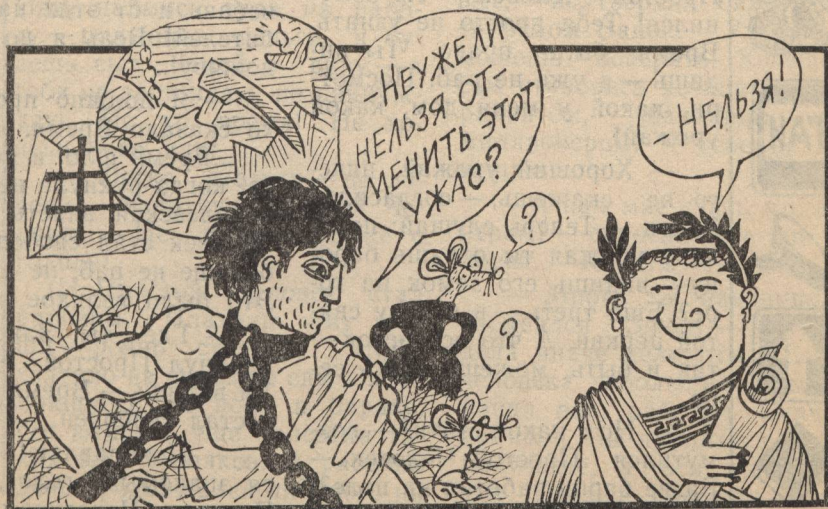
— Я не боюсь стражников, — сказал голос. — Они ничего не смогут со мной сделать.

— Кто ты? — воскликнул Простой Человек.

— Я — Время! — ответил голос.

— И ты можешь изменить Закон?

— Могу!

— Так измени! Я не хочу больше быть рабом.

— Я должно пройти... — тихо сказала Время. — Когда я пройду — Закон изменится.

...И Время прошло. Рабство, которое существовало более трёх тысячелетий, постепенно исчезло. Простой Человек перестал быть рабом. У него появился домик — маленький, но зато свой, — небольшое поле, плуг, мотыга, лошадь...

Простой Человек старательно трудился, да и лето выдалось хорошее — урожай уродился на славу. Но когда он, утирая пот со лба, затащил в сарай последний мешок зерна и уселся на крыльцо отдохнуть, перед ним внезапно появился некто — в длинной чёрной мантии и волнистом парике, концы которого свисали чуть ли не до земли. В руках этот некто держал толстую книгу в переплёте из свиной кожи.

— Узнаёшь ли ты меня? — спросил некто в мантии.

— Нет, — покачал головой Простой Человек. — Я тебя не знаю.

— Ошибаешься, — возразил незнакомец. — Я — Закон.

— Закон?! — воскликнул Простой Человек. — Ты изменился! Тебя просто не узнать. Время было право. Ты видишь — я уже не раб. Посмотри, какой у меня дом, какой урожай!

— Хороший урожай, ничего не скажешь, — согласился Закон. — Теперь слушай: половину урожая ты отдашь барону — видишь его замок на горе? Ещё треть — в пользу святой церкви. А что останется — так и быть, можешь взять себе.

— Но с какой стати? — возмущился Простой Человек. — Разве барон работал на поле? Разве наш толстопузый святой

отец помогал мне пахать и сеять?

— Смотри! — вместо ответа указал Закон на дорогу. Там, в клубах пыли, мчался отряд всадников с копьями наперевес. А впереди, сверкая латами, с развевающимися перьями на шлеме, скакал сам барон.

— Лучше отдай добром, — зашептал Закон Простому Человеку. — А не то... сам понимаешь...

— Это они тебя придумали? — спросил Простой Человек, когда отряд промчался мимо.

— Они! — вздохнул Закон. — Власть-то теперь у кого? У короля и его вассалов — герцогов, графов и баронов. Вот они и делают, что хотят.

И Простой Человек остался с одним мешком муки на всю долгую зиму.

— Опять я должен голодать! Опять у меня не жизнь, а мучение! Когда же это кончится?!

— Никогда, — строго сказал Закон.

— Ошибаешься, — опять раздался тихий голос. — Ты заблудился обо мне — о Времени.

— Время! — обрадовался Простой Человек. — Ты уже избавило меня от рабства. Так избавь и от этих наглых грабителей! Ведь я до весны не доживу!..

— Я должно пройти, — тихо сказала Время.

...Время шло, и настала пора, когда рухнула ненавистная королевская власть. Простой Человек стал свободным! Он больше не раб, не крепостной. Это было великое счастье!

— Где ты, Закон?! — воскликнул Простой Человек. — Ты видишь — Время прошло, и я стал свободен.

— Поздравляю! — раздался знакомый голос, и перед Простым Человеком появился

Закон — в строгом сютуке, цилиндре и с тросточкой в руках.

— Я — свободен! — повторял Простой Человек. — Свободен! Свободен...

— Ну? — прищурился Закон. — Что же ты примолк?

— Я голоден, — сказал Простой Человек. — Где мне взять еду?

— Ты свободен, — усмехнулся Закон. — Бери, где хочешь.

— Но где?

— Могу дать совет, — сказал Закон. — Видишь дымящуюся трубу? Это — фабрика. Иди, наймись туда на работу — получишь деньги и будешь сыт. Имей в виду — я тебя не заставляю, не принуждаю. Не то время! Не хочешь — не иди!

— Легко сказать — не хочешь, — вздохнул Простой Человек. — Не помирать же с голоду!

И Простой Человек стал рабочим. Платили ему гроши — ровно столько, чтобы хватило на скудную еду. Спать пришлось на полу в бараке, где ютились еще полсотни таких же бедняков. А рабочий день продолжался ни много ни мало — шестнадцать часов.

Каждый день на фабрике появлялся хозяин — толстый краснорожий тип с золотой цепочкой поперёк живота. Рабочие знали, что хозяин живёт в собственном особняке, у него с десяток слуг, свой экипаж, а его костлявая жена вся обвешана бриллиантовыми побрякушками.

«Нет, что-то тут не то, — мучительно раздумывал Простой Человек. — Ведь мой хозяин — не король, не герцог... У нас с ним одинаковые права... Или нет?»

— Абсолютно одинаковые, — подтвердил оказавшийся рядом Закон. — Уж мне-то можешь поверить! Хочешь — сам становись хозяином. Фабрикантом, банкиром — хоть миллионером! Я тебе не запрещаю.

— А как мне стать миллионером? — спросил Простой Человек. — Копить, что ли?

— Много ты накопишь! — засмеялся Закон. — Нет, эти дела иначе делаются... Есть у человека небольшие деньги — нанял вас, рабочих. Сначала немного. Вы трудитесь, гроши получаете, а вся прибыль — ему. Больше прибыли — больше рабочих. Больше рабо-

чих — ещё больше прибыли. И пожалуйста — миллионер!

— А откуда эти самые первые-то деньги у них взялись? — спросил Простой Человек. — У меня их с самого начала не было.

— По-разному бывает, — заметил Закон. — Кто, например, спекулирует чем-нибудь. Или запрещённые товары из-под полы продаёт. Бывает — случайно клад найдут, или там нефть, или золото, а что нашёл, то и твоё. А кто понахальнее — те просто грабят.

— И вот на таких-то людей мы и работаем?! — возмутился Простой Человек.

— Не хочешь — не работай, — пожал плечами Закон. — Твоё дело.

— А если мы все бросим работать? — воскликнул Простой Человек. — Тогда что?

— А вот этого не советую, — строго сказал Закон. — Видишь эти здания? С решётками на окнах? А видишь, кто там на углу стоит — в белых перчатках и с дубинкой? Он свистнет — их много набегит!

— Да почему же мы, простые люди, — возмутился Простой Человек, — должны работать на этих грабителей?!

— А власть у кого? — спросил Закон. — Полицию, армию, суд кто оплачивает?

— И долго будет продолжаться это безобразие? — спросил Простой Человек.

— Всегда! — сурово сказал Закон.

— Ты опять ошибаешься, — раздался тихий голос Времени. — Надо уметь ждать. Подожди, Простой Человек, и когда-нибудь твоя жизнь станет лучше.

— Нет, — решительно сказал Простой Человек. — Хватит! Не буду я ждать. Я буду бороться против хозяев сейчас же. Немедленно!

И Простой Человек стал бороться. Его бросали в тюрьму, ссылали на каторгу, избивали до полусмерти в полицейских застенках — но он упорно и непреклонно шёл к своей цели.

...Настало время, когда Простой Человек стал хозяином на своей земле. Ему и другим простым людям принадлежали теперь фабрики и заводы, золото и нефть, леса, озёра и реки.

— Привет тебе, Простой Человек! — раздался уверенный голос, и перед новым хозяином снова появился Закон — в строгом тёмном костюме и галстук, с университетским значком на груди.

— Это ты, Закон?! — удивился Простой Человек. — А разве ты ещё существуешь?

— А как же! — улыбнулся Закон. — Без меня вам, простым людям, теперь не обойтись. Я буду тебе помогать. Тебе и твоим товарищам.

Простой Человек сжал кулаки. Он вспомнил кровавые законы рабства, грабительские законы феодализма, лживые и продажные законы капитализма...

— Но ведь при помощи законов одни люди мучают других! — воскликнул Простой Человек. — И вот опять ты! Хватит!

— Так было, — возразил Закон. — Было, когда власть принадлежала какому-то одному классу — рабовладельцам, феодалам или капиталистам. А теперь власть принадлежит всему народу. Знают, и законы будут устанавливаться в интересах всех.

Простой Человек задумался.

— Нет, я всё-таки не понимаю, — сказал он, потирая лоб. — Раньше законы были нужны, чтобы держать кого-либо в подчинении: раба, крепостного, рабочего. Но те-

перь-то никто никому не подчиняется. Для чего ты нам теперь? Ведь мы столько сил положили на то, чтобы завоевать свободу!

— Свободу? — переспросил Закон. — А что такое, по твоему, свобода?

Простой Человек задумался.

— Ты, наверное, за глупца меня считаешь! — воскликнул он. — Свобода — это когда можно делать, что хочешь!

— Если ты так думаешь — ты и впрямь глупец! — строго сказал Закон. — Делать, что хочешь! Ну, хорошо... Хочешь купить мороженое в жаркий день, когда печёт солнце и от духоты не спрятаться даже в тени деревьев? Хочешь?

— Конечно! К чему это ты?

— А продавец мороженого хочет в это время искупаться. Значит, ты свободно купить мороженое не можешь. Для продавца свобода — для тебя неприятность. Но мороженое — мелочь. А если каждый начнёт ходить на работу, когда захочет? А не захотел — и не пошёл? А если люди будут свободно брать в магази-

нах или у других людей то, что им понравится? Что тогда получится? Значит, полная свобода одних оборачивается несвободой для других!

— Похоже, что так. — Простой Человек даже головой покругил от удивления. — Значит, нам нужны правила — что можно делать, а чего нельзя. Но объясни — чем же наши законы будут отличаться от прежних?

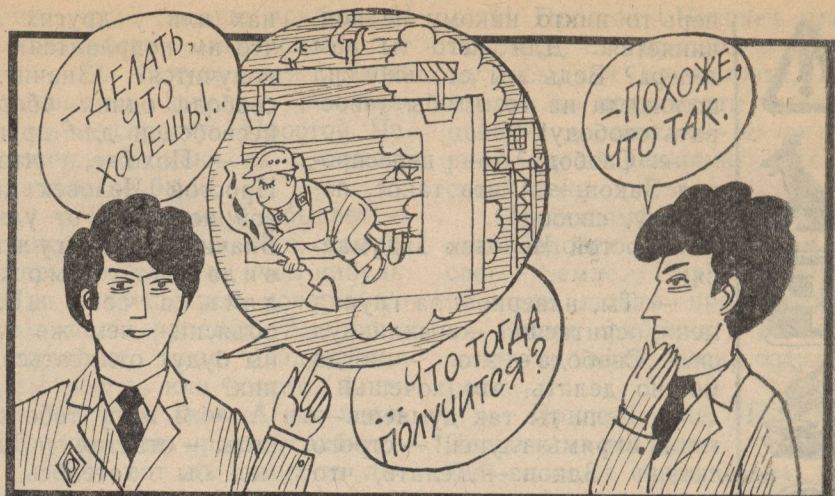
— Я могу тебе это объяснить, — ответил Закон. — Но мне бы хотелось, чтобы ты додумался до этого сам. Вспомни: кому принадлежала власть при рабовладении, феодализме, капитализме — и кому она принадлежит сейчас? В чьих интересах устанавливались законы — тогда и сейчас? И почему законы прежних времён просто не могли быть справедливыми при всём желании отдельных законодателей и правителей?

Подумай обо всём этом — и ты поймёшь, чем новые законы отличаются от прежних. Подумай, Простой Человек!

И Простой Человек стал думать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда Олег Данилов принёс нам рассказ «Как появился Закон», мы, признаться, удивились и даже слегка рассердились на Олега. Он должен был ответить на письма ребят, в частности, на вопрос Вити Савельева. А Олег вместо этого написал целое историческое исследование. Правильно ли это!

— Правильно! — стал решительно возражать Олег. — Почему ребятам надо всё разжёвывать! Если у них головы на плечах, пускай сами думают! Не маленькие!

И мы решили напечатать рассказ Олега и посмотреть, сумеете ли вы, ребята, всё это понять и осмыслить.

1. Почему разбойник Робин Гуд — благородный герой и образ его до сих пор живёт в памяти людей! А ведь Робин Гуд нарушал законы своего времени.

2. Как бы вы ответили на те вопросы, которые Закон задал Простому Человеку!

ЕЩЁ РАЗ ОТ РЕДАКЦИИ.

Нам только что позвонил Олег Данилов.

— Помните Серёжу Иванова! — взволнованно кричал он в трубку. — Это его тогда ребята из 6-в привели в милицию. Так вот — он убежал из дому!.. Его ищут второй день и не могут найти!..

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

(К рисункам на 3-й странице обложки)

— Когда я вспоминаю своё раннее детство, то вижу себя за папиной спиной на скамеечке. Он рисует за столом, а у меня вместо стола — табуретка. Я тоже рисую. Мне пять лет. Идёт война, и живём мы на Урале. Мы — эвакуированные из Ленинграда.

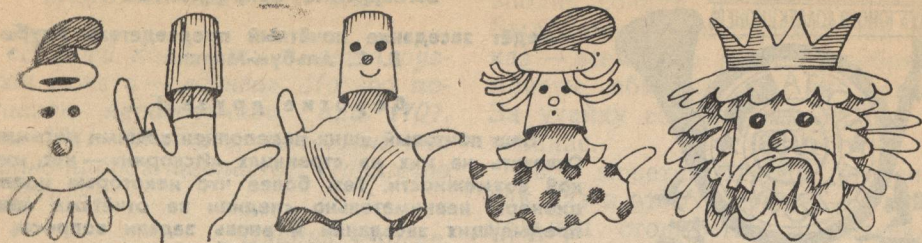
Вы, конечно, догадались, что я опять в мастерской Маргариты Анатольевны Скриповой-Ясинской. Я пришла поучиться делать игрушки, чтобы потом передать свой опыт вам, читателям «Искорки», а мы вместо этого сидим и... вспоминаем детство. Оно у нас похоже, потому что совпало с годами войны.

— Правильно говорят, что все мы родом из детства, — продолжает рассказывать Маргарита Анатольевна. — Моё детство сделало меня художником. В эвакуации жили скудно, все вещи давно обменены на

продукты. Единственное моё богатство — красная ленточка, но папа берёт её для оформления невыразительного заводского стенда. Мне жаль ленточку, но как это прекрасно смотрится — красное на сером! Или вот ещё: наряжаем новогоднюю

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

ёлку, мама делает из ваты, раскрашивает и вешает на ветки мандарины и яблоки. Только такими вижу я фрукты в жизни. Но они очень красивые. Или вот: что подарить папе на день рождения? Решено — сделаю сама и подарю ему кисточку для рисования! Отрезаю прядь своих волос, вставляю её в палочку, а чтобы волосы держались — закрепляю их канифолью.

— Маргарита Анатольевна, но ведь сегодняшние дети живут иначе. Наверное, у них и игрушки должны быть другие.

— Другие. И всё-таки любимая игрушка — это не дорогостоящая красавица из магазина. Думаю, что немного возьмёт с собой из детства тот ребёнок, который не переставая кланчит у родителей: «Купи то, купи сё!» Нужно делать игрушки самому, причём из тех предметов, что лежат под руками.

— Легко сказать... — перебиваю я Маргариту Анатольевну. — Давайте вот прямо сейчас делать игрушки из того, что рядом и под руками.

— Давайте!

Когда Маргарита Анатольевна, окинув взглядом комнату, стала складывать на стол — крышки-колпачки от бутылок из-под шампуня, пластмассовые банки из-под стиральной пасты и «Янтая», старые чулки, тряпки, пуговицы, я не очень-то верила в успех нашего дела. Но потом пошли чудеса, которые создавались сначала руками Маргариты Анатольевны, а потом — и моими тоже.

Вот как делаю это я. Я беру крышку-колпачок (это заготовка) и протыкаю в ней ножницами маленькие отверстия для глаз и носа. Потом обтягиваю заготовку тряпкой — любого цвета и склеиваю шов. Это — голова. Вставляю или приклеиваю глаза и нос из пуговиц. Рот делаю из бумаги. Вставляю в голову-пробку два пальца — средний и указательный, безымянный подгибаю (он вместе с кистью — туловище куклы). Мизинец и большой палец оттопыриваю — это руки куклы. Набрасываю на «туловище» накидку в виде пончо (из любого лоскутка). И всё — игрушка готова! Голова у неё двигается, руки, туловище — тоже. Начинать играть!

— Нет! — говорит Маргарита Анатольевна. — Играть ещё рано. Вы верно обрисовали схему построения игрушки. Но разве в схеме дело? Главное в игрушке — творчество. Я бы вот ещё что добавила, обращаясь к читателю. Какую ты хочешь сделать игрушку? Грустную? Сердитую? Весёлую? Решил? Тогда придай её лицу нужное выражение. Как это сделать? Посмотри на себя в зеркало: почему у тебя лицо сердитое? Потому, что брови — нахмурены, а губы — сжаты. А теперь улыбнись себе в зеркале. Видишь — опять «играют» и брови и губы. Так что, если ты делаешь игрушку сердитой — она будет с сердитыми бровями, а весёлой кукле приклей улыбку. И поработай над глазами. Их не обязательно делать из пуговиц. Можно их склеивать из разноцветной бумаги. Очень важно поработать над зрачками: попробуй их сделать из блестящей фольги — увидишь, как здорово получится. Кукле необходимы волосы. Сделай их из кусочка меха, можно из ниток или из разлохмаченной верёвки... Можно надеть на голову кукле шляпу или повязать платочек, можно вырезать для неё корону из фольги... Короче, куклу нужно нафантазировать. Взял обыкновенную пробку, а сделал из неё царя или царицу, Иванушку-дурачка или красную девицу... Что задумаешь, то и сделаешь.

— Маргарита Анатольевна, нам, к сожалению, опять пора прервать нашу беседу. Думается мне, что нужно к нашим разговорам подключаться ребятам — нашим читателям. Пусть они попробуют сделать игрушки и напишут нам о своих успехах или неудачах. Пусть придумают для них или нарисуют сценки, как это сделал наш художник на 3-й странице обложки.

Вот наш адрес: 191023, Ленинград, Фонтанка, 59, «Искорка».

— А может быть, ребята захотят прийти и показать нам свои игрушки?

— Можно и так. Ждём их с игрушками в редакции каждый вторник с 15 до 17 часов. Адрес мы уже назвали.

Ведёт беседу К. Борисова.

(Продолжение беседы в следующем номере)

Рис. Г. Ясинского

ЗАСЕДАНИЕ СЕМИДЕСЯТОЕ

Ведёт заседание почётный председатель Клуба
В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Наш почтовый ящик переполнен вашими письмами. Ответить на них на страницах «Искорки» — нет никакой возможности. Тем более что некоторые коллекционеры невнимательно следили за отчётами на предыдущих заседаниях и вновь задали вопросы, на которые уже были даны подробные ответы.

Сегодня мы разбираем те ваши письма, в которых есть вопросы, особенно заинтересовавшие нас.

Отвечаем

на ваши

письма

МЕДАЛЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ СЕВАСТОПОЛЮ

«У меня в коллекции есть серебряная медаль «За защиту Севастополя». Кому и когда вручалась эта награда и какому событию она посвящена?»

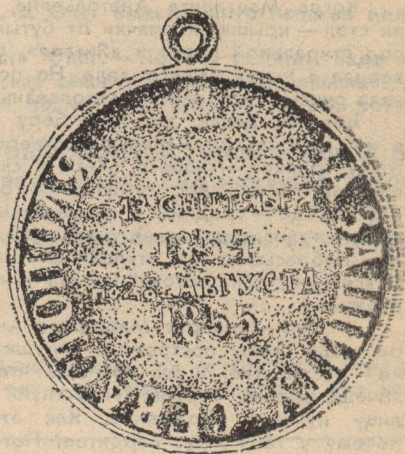
Костя М., г. Ленинград.

Мы с вами знаем: в годы Великой Отечественной войны защитники Севастополя награждались медалью, которая называлась «За оборону Севастополя». Учреждена медаль 22 декабря 1942 года.

Однако это была не первая в отечественной истории попытка недругов овладеть черноморской военно-морской базой России.

За восемьдесят пять лет до начала Великой Отечественной войны прадеды и прапрадеды советских воинов отстаивали Севастополь в Крымской войне 1853 — 1856 годов.

Против России выступили Турция, Англия, Франция и Сардиния (теперь область в Италии, тогда самостоятельное королевство). И хотя боевые действия развернулись не только в Крыму, но и на территории Закавказья и на Дунае, главным местом военных событий стал всё-таки Крым. Здесь русские вой-

ска под командованием адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова (оба погибли при обороне Севастополя) в течение одиннадцати месяцев защищали город от объединённого англо-французского флота и десантных войск.

Обороне Севастополя и посвящена медаль, о которой спрашивает Костя.

Учреждена она была 26 ноября 1855 года. Награждались ею офицеры и солдаты гарнизона, а также гражданские лица, участвовавшие в обороне города.

Отчеканена была медаль на Санкт-Петербургском Монетном дворе.

МОНЕТЫ ДЛЯ НАРОДА

«В моей коллекции имеется русская монета — «денга». Но год поставлен неразборчиво: или 1701, или 1781. Скажите, имеет ли она какую-нибудь ценность? Прилагаю её оттиск».

Владик Фирсов.

Во времена правления императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II царский двор постоянно нуждался в деньгах. Расходы при дворе были огромны, а золота и серебра добывалось очень мало, так что чеканить «весомые» деньги было не из чего.

Граф Шувалов, ведавший финансами, даже подумывал о выпуске бумажных денег (ассигнаций), но побоялся, что фальшивомонетчики будут легко их подделывать, и осуществил «денежную реформу» другим способом. Он дал указание чеканить монеты из золота и серебра исключительно для царского двора, а для народа, считал он,

вполне сойдут и медные деньги. Был даже издан строжайший приказ — всем, кто имеет серебряные монеты, обменять их на медные. За утайку серебра полагалось наказание.

Твоя монета, Владик, относится как раз к этому периоду. Её номинальная стоимость — 5 копеек. В то время она была самой крупной из медных монет. Выпускались эти монеты в 1730—1754 годах. Так что предполагаемые тобой даты выпуска монеты — 1701 или 1781 годы — отпадают. Возможно, что это 1731 год?

Велика ли ценность этой монеты? Об этом повествует маленькая история. Именно такими «денгами» получил награду Михаил Васильевич Ломоносов от императрицы Елизаветы Петровны за поздравительную, в её честь написанную оду. Дарованные Ломоносову две тысячи рублей составили сорок тысяч медяков и весили три тонны.

Как знать, дорогой Владик, может быть, двести с лишним лет тому назад твою монету держал в руках сам Михайло Ломоносов!

ПРО СТАНДАРТНЫЕ МАРКИ

«Я собираю стандартные марки СССР. У меня их немного, а я не знаю, где их достать: в магазинах «Союзпечать» старые выпуски не продаются».

Миша Володин, г. Ленинград.

Стандартные марки, как и всякие другие, можно получить при обмене с другими коллекционерами. Для этого нужно стать членом юношеской секции Ленинградского отделения Всесоюзного общества филателистов. Адрес общества: канал Грибоедова, 27, комната 1.

СПЕЦГАШЕНИЯ

«Бывают ли спецгашения в Ленинграде? Если да, то когда и где? Сколько всего марок по теме «Кос-

мос» выпущено в СССР до 1982 года? Я знаю, что некоторые марки выпускаются с зубцами и без зубцов. Зачем это делается?»

Петя Пантелеев, г. Ленинград.

Спецгашения бывают. Проводятся они, в частности, на Главпочтамте и в Этнографическом музее (в дни крупных филателистических выставок). За несколько дней до событий в ленинградских газетах («Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград») обычно об этом сообщается. Так что — следи за газетами.

На космическую тему в СССР к 1982 году выпущено около трёхсот почтовых марок и блоков.

До того, как была изобретена машина для пробивки зубцов, все марки выпускались беззубцовыми. Это было не очень удобно. Представь себе почтового работника, который, вооружившись ножницами, отстригает десятки тысяч марок в день. С появлением машины необходимость в ножницах отпала.

Но некоторые страны и сейчас (по традиции) выпускают часть марок беззубцовыми. В СССР с 1967 года выпуск беззубцовых марок прекращён.

КОЛУМБ НА МАРКАХ

«Я коллекционирую марки на тему «корабли». Расскажите, пожалуйста, когда и где впервые была

выпущена такая марка. Что на ней изображено?»

А. Шорманов, 4-й класс, г. Ленинград.

В 1893 году в США вышла серия из шестнадцати марок, посвящённая открытию Америки. Выпуск был приурочен (с опозданием на год) к четырёхсотлетию события.

Сюжеты миниатюр не повторяются. Каждая отражает какой-нибудь этап в жизни и деятельности открывателя континента Христофора Колумба. Есть в серии и две марки с изображением кораблей Колумба — знаменитых «Санта-Мария», «Пинто» и «Нинья».

Колумбу в филателии повезло. Первое изображение мореплавателя появилось на марке Чили ещё в 1853 году. Правда, по утверждению историков, Колумб бороды не носил, а на марке Чили он с бородой...

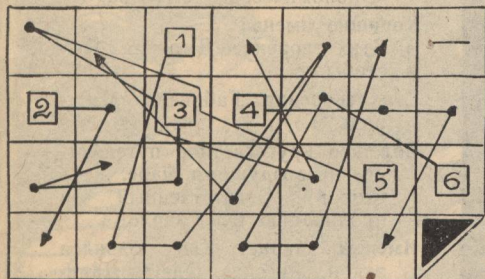

Между смекалистами, решившими наибольшее число заданий, напечатанных в этом номере, будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 апреля.

КРИПТОГРАММА

В клетки этого прямоугольника вписана строка из произведения Владимира Маяковского. Затем из всех 26 букв были составлены шесть слов, которые означают: 1. Отечество. 2. Вид спорта. 3. Рыболовные снасти. 4. Химический элемент. 5. Минерал. 6. Имя героя русской сказки.

Каждое слово начинается в клетке с цифрой, заканчивается в клетке со стрелкой. Промежуточные буквы отмечены точками. Восстановите текст (5 очков).

ВЗГЛЯНИ НА КАРТУ Составила Света Семёнова (115-я школа)

Переставьте буквы этих трёх слов так, чтобы получилось название океана (2 очка).

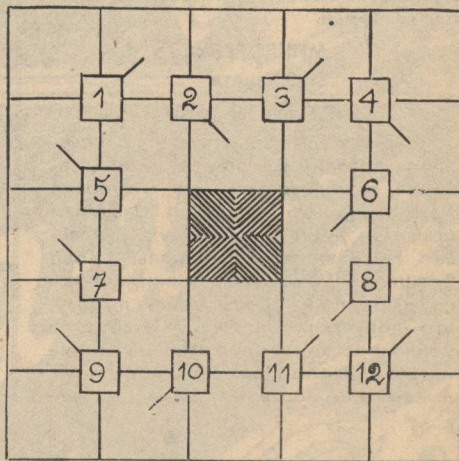
ЛЕНТА + ЧАЙ +
+ КИСТИ = ?

ЦИКЛОКРОССВОРД

Все слова циклокроссворда читаются по часовой стрелке, а начинаются в клетке, отмеченной стрелочкой.

1. Одна из самых ярких звёзд северного полушария. 2. Река в Ленинградской области. 3. Река во Франции. 4. Измерительный прибор. 5. Официальная эмблема государ-

ства. 6. Вид эстрадного представления. 7. Известный немецкий зоолог. 8. Ловкий акробатический приём. 9. Старинная русская единица измерения жидких и сыпучих тел. 10. Овощ. 11. Судовая лестница. 12. Спортивная площадка. (5 очков.)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Составил Андрей Юдаев
(82-я школа)

Поменяйте книжки местами, чтобы можно было прочитать пословицу (3 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

(ответы к «Искорке» № 12
за 1985 год)

СЛОЖЕНИЕ
Фестиваль

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Запад. 4. Платина. 7. Киров. 8. Рында. 10. Комбинаторика. 11. Октет. 13. Тунис. 14. Конверт. 15. Аркан.

По вертикали: 1. Залив. 2. Петропавловск. 3. Динар. 5. Грамота. 6. «Индиана». 7. Какао. 9. Аракс. 12. Тропа. 13. Таран.

МИКРОРЕБУС

Планета

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 11 за 1985 год, был разыгран приз. Он достался ученику 6-б класса Новоладжской школы Коле Ерошкову. Многие участники конкурса выбыли из розыгрыша потому, что допустили ошибку в ответе на циклокроссворд: порт во Франции называли Леоном вместо Лиона.

СОДЕРЖАНИЕ

Есть такая партия! Стихотворение Льва Гаврилова	1
Небесный гость. Продолжение фантастической повести Александра Беляева	3
Революция — в наших сердцах. Три интервью, взятые Олегом Сердобольским	4
Двенадцать обжорливых мужчин. Рассказ Владимира Стругацкого	15
Стихотворения Олега Тарутина	20
Академии наук — механик. Очерк Василия Островского	22
Партийное поручение. Страницы воспоминаний Николая Сорокина	27
Главная награда. Притча Михаила Кононова	31
Выбор. Баллада Виктора Максимова	34
«Мы партия новаторов». Выпуск «Экономического курьера»	36
Хорошие имена	
Стихотворение Дмитрия Толстобы	41
Стихотворения Габриэлы Мистраль	42
Большое кругосветное путешествие на воздушном шаре. День второй. Ответственный за публикацию Олег Орлов	44
Именем закона! Как появился закон. Рассказ Олега Данилова	49
Отвечаем на ваши письма. (Клуб юного коллекционера)	60
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок Л. Иванова «На стройке»

На 2-й странице обложки «Дети рисуют мир»

На 3-й странице обложки «Давайте играть!» Рисунок Г. Ясинского

На 4-й странице обложки «Помощник». Рисунок Г. Ясинского

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томили, И. А. Турчин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 02.02.86. Подписано к печати 25.02.86. М-29543. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,73. Тираж 60 000. Заказ № 323. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

давайте
играть!

сделай сам · сделай сам

сделай сам · сделай сам

Дело спорится с утра,
 Дров накалотых-гора!
 Малыш не наелится,
 Сложит их в валенки.